

И.В. Наумов.

Органы государственной безопасности Восточно-Сибирского края (1930-1936)

1930-е годы, как известно, вошли в историю Советского государства как очень сложное время. Это были годы, когда в СССР осуществлялись грандиозные преобразования – коллективизация, индустриализация, «культурная революция», когда тоталитарная диктатура коммунистической партии переросла в еще более жесткую диктатуру личной власти И.В.Сталина, а созданный общественно-экономический строй получил название социалистического. Наконец, это были годы, когда непрерывно нарастала угроза новой мировой войны, к которой активно готовились все ведущие державы мира, включая и СССР.

В новой обстановке существенно изменились функции и задачи органов государственной безопасности. Наряду с решением задач обеспечения безопасности государства, а также обеспечения классовой политики коммунистической партии в ходе проводимых преобразований, органы государственной безопасности все в большей степени становились главной опорой личной диктатуры И.В.Сталина. Соответственно их борьба с т.н. классовыми врагами Советской власти в течение 1930-х гг. все больше перерастала в борьбу со всеми реальными, потенциальными и мнимыми противниками уже не Советской власти, а сталинской диктатуры.

Если ранее, в 1920-е гг. деятельность органов государственной безопасности была направлена против значительной части населения – представителей бывших т.н. эксплуататорских классов и зажиточных слоев крестьянства, считавшихся в классовом государстве политически неблагонадежными, враждебными элементами, то в новых условиях под подозрение попадает практически все население страны, независимо от политических взглядов и социального положения. От возможных подозрений не был гарантирован никто, включая ближайших соратников диктатора. Постепенно, шаг за шагом органы государственной безопасности наделяются все более широкими и чрезвычайными полномочиями, их деятельность все более становится подконтрольной лишь одному лицу. Одновременно органами государственной безопасности при поддержке И.В.Сталина искусно создается атмосфера всеобщей подозрительности и нетерпимости, создается система тотального контроля за населением. Апофеозом этой деятельности стали годы т.н. «Большого террора» (1936-1938), когда государству, обществу, да и самим органам государственной безопасности был нанесен очень большой ущерб, последствия которого в той или иной степени ощущаются до сих пор.

Важная роль в решении всех этих задач принадлежала территориальным органам государственной безопасности Восточно-Сибирского края, созданного в 1930 г. и существовавшего до 1936 г. Этот край был образован в результате разделения Сибирского края на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский. Он охватывал огромную территорию от Енисея до Забайкалья (дореволюционные Енисейская и Иркутская губернии и Забайкальская область). Его административным центром стал г.Иркутск.

В соответствии с новым административным устройством 28 марта 1930 г. было принято решение о создании в Иркутске Полномочного представительства ОГПУ СССР по Восточно-Сибирскому краю. Здесь предстояло сформировать новый, многочисленный и мощный аппарат органов

государственной безопасности. Этот процесс занял несколько месяцев. В полном объеме Полномочное представительство ОГПУ СССР по Восточно-Сибирскому краю начало свою деятельность с сентября 1930 г. Первым и единственным Полномочным представителем ОГПУ в Восточной Сибири стал латыш И.П.Зирнис, работавший в органах государственной безопасности с 1918 г.

Структура Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю непрерывно изменялась и расширялась. Первоначально она включала в себя: Секретно-оперативное управление, управление Пограничной охраны и войск ОГПУ и отделы: кадров, общий, финансовый, связи, дорожно-транспортный Забайкальской ж.д., а также инспекцию резервов.

В августе 1931 г. в связи с коллективизацией и политикой раскулачивания в составе Секретно-оперативного управления был создан отдел по спецпереселенцам, а в январе 1932 г. «для улучшения чекистского обслуживания всех видов транспорта» и координации работы транспортных органов ОГПУ в его составе было создано транспортное отделение.

В конце 1932 г. Секретно-оперативное управление было расформировано, а его отделы: секретно-политический, учетно-статистический, экономический, особый, спецпереселенцев и отделения: оперативное, специальное, транспортное стали самостоятельными подразделениями Полномочного представительства. В то же время в связи с подчинением милиции ОГПУ в его составе было создано управление Рабоче-крестьянской милиции.

Руководить столь обширной структурой Полномочному представителю ОГПУ И.П.Зирнису помогали два его заместителя – А.Г.Грозный и К.А.Павлов. Первый руководил работой отделов: секретно-политического, учетно-статистического, экономического и спецпереселенцев, а также работой городских и районных отделений ОГПУ территориального Иркутского оперативного сектора. К.А.Павлов руководил работой особого отдела, дорожно-транспортного отдела Забайкальской ж.д., оперативного, специального и транспортного отделений. Сам И.П.Зирнис помимо общего руководства непосредственно курировал работу управлений погранохраны и войск ОГПУ и милиции и отделов: кадров, общего, финансового, связи, а также инспекции резервов, в задачу которой входило наблюдение и контроль за хранением государственных продовольственных резервов и мобилизационных запасов.

В декабре 1933 г. в составе Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю появилось новое отделение – иностранное из 3-х сотрудников (начальник, оперуполномоченный и уполномоченный), в задачу которого входил сбор разведывательной информации в сопредельных странах, а также борьба с их спецслужбами.

Одновременно с созданием новых структурных подразделений в течение 1930-х гг. в связи с коренным поворотом в политике ВКП(б) стали резко расширяться функции и уже существовавших структур. В частности, в 1932 г. в ведение ОГПУ передали военизированную пожарную охрану НКПС. Особенно большая нагрузка ложилась на сотрудников общего и экономического отделов. Так, на плечи первых выпало обеспечение выполнения обширных строительных программ, осуществлявшихся ОГПУ в Восточно-Сибирском крае в годы первой и второй пятилеток. В составе общего отдела был создан даже специальный строительный подотдел (позднее преобразованный в отдел). Сотрудники 4-х отделений экономического отдела (промышленного, сельскохозяйственного, торгово-кооперативного, финансов и частного капитала) контролировали практически всю экономику края.

Территориальными органами Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю являлись региональные оперативные сектора: Красноярский, Иркутский и Читинский. Их структура во многом копировала структуру Полномочного представительства¹. Только вместо отделов в них были соответствующие отделения. Несколько позже, в апреле 1931 г. был создан еще один оперативный сектор – Киренский, но его структура и функции были значительно уже, чем у трех первых. На территории Бурят-Монгольской АССР, входившей в состав края, действовал областной отдел ОГПУ, также входивший в состав Полномочного представительства и имевший структуру аналогичную оперативным секторам. В 1932 г. Красноярский сектор возглавлял Д.М.Денисов, Читинский – С.Г.Южный, Бурят-Монгольский областной отдел – Д.Д.Никифоров, а Киренский сектор – Д.Р.Плоткин.

Роль местных органов ОГПУ выполняли городские и районные отделения ОГПУ. Штаты всех районных отделений включали начальника, уполномоченного и его помощника. Отделения были созданы в Красноярском, Братском, Тайшетском, Тасеевском, Нерчинском, Баргузинском, Эхирит-Булагатском, Селенгинском, Акшинском и некоторых других районах. В остальных районах сохранились аппараты районных Уполномоченных, которые разделили на две категории. В штаты аппаратов 1-й категории помимо районного Уполномоченного входила и должность уполномоченного, а в районах 2-й категории аппарат состоял лишь из одного районного Уполномоченного. К районам 1-й категории относились такие как: Зиминский, Балаганский, Боханский, Качугский, Шиткинский, Агинский, Тункинский и некоторые другие, а ко 2-й категории районы: Слюдянский, Нижне-Илимский, Кежемский, Северо-Енисейский и другие.

Помимо сотрудников районных отделений ОГПУ и аппаратов районных Уполномоченных в сельской местности Восточно-Сибирского края с 1931 г. действовали местные уполномоченные отдела спецпереселенцев (в местах их размещения), а с 1933 г. в штаты Полномочного представительства ОГПУ включили должности заместителей начальников Политотделов МТС и совхозов по работе ОГПУ. Эти заместители во всех МТС и совхозах являлись штатными сотрудниками ОГПУ и работали в тесном контакте с районными структурами ОГПУ.

Контроль за соблюдением законности органами ОГПУ до 1932 г. осуществляли территориальные прокуратуры, а с 1932 г. помимо их этим стали заниматься и специально созданные военные прокуратуры погранохраны, войск ОГПУ и милиции. В Восточно-Сибирском крае такую прокуратуру сформировали в июле 1932 г. Их сотрудников приравнивали к оперативному составу ОГПУ.

Полномочное представительство ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю просуществовало до июля 1934 г. Как известно, 10 июля 1934 г. ЦИК СССР по решению политбюро ЦК ВКП(б) принял постановление об упразднении ОГПУ СССР и создании союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), в число функций которого входило и обеспечение государственной безопасности. Внутри НКВД эти задачи выполняло Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), сформированное на базе структуры и штатов бывшего ОГПУ. Объединение органов государственной безопасности и внутренних дел скорее всего было связано с подготовкой И.В.Сталиным политики «Большого террора» и связанной с этим необходимостью концентрации сил репрессивного аппарата.

В соответствии с постановлением ЦИК СССР началось создание местных органов НКВД. 13 июля 1934 г. было сформировано Управление НКВД по Восточно-Сибирскому краю. Его начальником был назначен бывший Полномочный представитель ОГПУ И.П.Зирнис, которому присвоили звание комиссара государственной безопасности 3-го ранга. И.П.Зирнис возглавлял Управление

до осени 1936 г., когда с поста народного комиссара внутренних дел был смещен Г.Г.Ягода и началась массовая смена руководства НКВД и его территориальных органов. После отстранения И.П.Зирниса начальником Управления стал М.И.Гай (Штоклянд), возглавлявший его с ноября 1936 г. до упразднения Восточно-Сибирского края в конце 1936 г.

Формирование нового Управления продолжалось с июля по октябрь 1934 г., когда окончательно определилась его структура. Управление НКВД СССР по Восточно-Сибирскому краю включало в себя:

1. Управление государственной безопасности (УГБ), в которое входили отделы – секретно-политический, экономический, особый, учетно-статистический, кадров, транспортные Забайкальской и Восточно-Сибирской ж.д., а также оперативное и специальное отделения. Все эти отделы и отделения со структурой и штатами представляли бывшее Полномочное представительство ОГПУ. Начальник УГБ являлся первым заместителем начальника Управления НКВД;
2. Управление Рабоче-крестьянской милиции, переданное из краевого подчинения в состав НКВД со своей структурой и штатами. Его начальник одновременно являлся заместителем начальника Управления НКВД;
3. Управление Пограничной и Внутренней охраны, включавшее в себя структуру и штаты управления пограничной охраны и войск ОГПУ бывшего Полномочного представительства;
4. Инспекция Резервов, также перешедшая от бывшего ОГПУ;
5. Отдел пожарной охраны (вновь созданный);
6. Отдел связи (бывший отдел Фельдсвязи Полномочного представительства ОГПУ);
7. Отдел Актов гражданского состояния (курировал местные ЗАГСы, переданные в состав НКВД);
8. Финансовый отдел (из состава бывшего Полномочного представительства ОГПУ);
9. Единый Секретариат, включавший в себя административно-хозяйственные отделы бывшего Полномочного представительства ОГПУ – общий, хозяйственный, инженерно-строительный, спецпереселенцев, кооперативный.

Как следует из приведенных данных в НКВД органы государственной безопасности играли ключевую роль. Именно они послужили основой для создания Управления НКВД СССР по Восточно-Сибирскому краю.

Территориальные органы Восточно-Сибирского Управления НКВД во многом повторяли его структуру и функции. В то же время, в этот период в их организации произошли и определенные изменения. На территории Восточно-Сибирского края в рамках краевого управления были сформированы 2 областных управления НКВД – Бурят-Монгольское и Читинское и 3 оперативных сектора – Красноярский², Киренский и Иркутский, функции которого выполняло непосредственно краевое Управление НКВД.

Бывшие районные аппараты ОГПУ 1-й и 2-й категорий были преобразованы в районные отделения НКВД. В состав которых вошли также районная милиция, ЗАГСы и пожарная охрана.

Такие же изменения произошли и с ранее существовавшими районными и городскими отделениями ОГПУ. Все районные отделения подчинялись соответствующим областным управлениям и оперативным секторам НКВД, на территории которых они находились. Кроме того, приграничные районные отделения в оперативном отношении подчинялись начальникам пограничных отрядов и отдельных пограничных комендатур. Следует отметить, что численность районных отделений НКВД в Восточно-Сибирском крае в 1934-1937 гг. в связи с частыми административно-территориальными реорганизациями неоднократно изменялась.

Расширение в 1930-е гг. сферы деятельности и задач органов государственной безопасности изменило и требования к их сотрудникам. В связи с широко пропагандируемым в эти годы тезисом об обострении в стране классовой борьбы по мере продвижения к социализму руководство ВКП(б) требовало от них три основных качества: высокую классовую бдительность, беспощадность к классовому врагу и соблюдение железной дисциплины. Именно на это нацеливало сотрудников государственной безопасности их руководство. В частности, как отмечалось в одном из приказов за 1932 г. Полномочного представителя ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю И.П.Зирниса: «Задача дальнейшего укрепления диктатуры пролетариата требует от ОГПУ не разжигания или смягчения карательной политики, а решительной, беспощадной расправы с международной агентурой контрреволюции, подавления отчаянного сопротивления остатков ликвидируемых капиталистических элементов, защиты священной социалистической собственности и охраны революционного порядка»³.

Такая трактовка задач и деятельности органов государственной безопасности по существу требовала от их сотрудников превратиться в бездумных и бездушных исполнителей любых приказов руководства страны. Именно к этому их и готовили в течение первой половины 1930-х гг., постепенно все более ужесточая т.н. классовую политику.

Особенно большое внимание придавалось повышению дисциплины сотрудников государственной безопасности. Осуществить «Большой террор» можно было только в условиях беспрекословного повиновения органов государственной безопасности. В 1930-е гг. руководство органов государственной безопасности принимало самые решительные меры по подъему дисциплины, добиваясь беспрекословного выполнения любых поставленных задач. Следует отметить, что в плане повышения дисциплины в органах ОГПУ (а затем и НКВД) Восточной Сибири имелось немало проблем. На основании имеющихся документов дисциплину их сотрудников никак нельзя назвать высокой. Так, только одна из проверок прихода на службу, проведенная 9 августа 1932 г. в Полномочном представительстве ОГПУ выявила, что 86 сотрудников ОГПУ опоздали на службу на срок от 15 минут до получаса, опоздание 88 сотрудников составило от получаса до часа, еще 50 человек опоздали от 1 часа до 2 часов, а опоздание 7 сотрудников превысило 2 часа⁴. Как свидетельствуют документы, сотрудники Восточно-Сибирского представительства ОГПУ и его структур допускали немало различных нарушений⁵. Наиболее распространенными из них являлись халатное отношение к служебным обязанностям, что особенно часто выражалось в нарушении сроков ведения следствия, необоснованном затягивании следственных дел. Нередки были случаи превышения власти и нарушения законности, использования служебного положения в личных целях, а также личной недисциплинированности на службе и в быту. И конечно же в их рядах пустил корни такой порок как пьянство.

Полномочному представителю ОГПУ (затем начальнику Управления НКВД) в Восточной Сибири И.П.Зирнису, его заместителям, начальникам управлений и отделов пришлось приложить немало

усилий для повышения дисциплины своих сотрудников. Как правило, провинившиеся подвергались дисциплинарному аресту на срок от 3-х до 20 суток. Причем тогда существовало две формы ареста – с исполнением и без исполнения служебных обязанностей. За мелкие нарушения дисциплины руководство Полномочного представительства ОГПУ (Управления НКВД) ограничивалось объявлением выговоров, постановкой на вид, предупреждениями и т.п. мерами. Нередки были случаи освобождения от должности и перевода на нижестоящую, а также увольнения из органов государственной безопасности. За серьезные нарушения сотрудников госбезопасности предавали суду Коллегии ОГПУ СССР. Например, в 1933 г. за нарушение законности Коллегия ОГПУ приговорила к 3 годам заключения в Исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) уполномоченного комендатуры 51-го Троицкосавского пограничного отряда М.Т.Лавренова, а помощника начальника заставы того же отряда П.А.Ветошкина к 5 годам заключения в ИТЛ⁶. Особенно строго карались случаи «пособничества классовому врагу». В частности, в декабре 1932 г. Коллегия ОГПУ осудила к 5 годам заключения в ИТЛ надзирателя внутреннего изолятора Восточно-Сибирского краевого представительства ОГПУ Н.А.Александрова за то, что он передал сведения об арестованных их родственникам⁷.

Подъему дисциплины служили и такие меры как усиление политико-воспитательной работы, переход в 1932 г. на постоянное ношение форменной одежды, знаков различия и повышение требований к внешнему виду сотрудников (за исключением тех сотрудников, которые занимались секретно-оперативной деятельностью), а также введение различных запретов. Так, например, в январе 1933 г. Полномочный представитель ОГПУ И.П.Зирнис категорически запретил своим сотрудникам посещение ресторанов и пивных, кроме случаев служебной необходимости (причем посещать эти заведения можно было только в штатской одежде).

Насколько эффективными оказались принимаемые меры по подъему дисциплины судить сложно. Во всяком случае документы на эту тему не позволяют сделать вывод о каких-то серьезных качественных сдвигах в этой сфере. По мнению автора, этому мешали два обстоятельства. Во-первых, расширение штатов и обновление персонального состава сотрудников органов государственной безопасности Восточной Сибири в течение 1930-х гг. и, во-вторых, это непрерывное расширение сферы деятельности органов государственной безопасности и непрерывное возрастание объемов их работы вследствие деклариовавшегося тезиса об «обострении классовой борьбы».

В 1930-е гг. в связи с увеличением численности сотрудников государственной безопасности и обновлением их персонального состава, а также изменением задач органов госбезопасности довольно остро встал вопрос о профессиональной подготовке кадров. Эту задачу руководство органов государственной безопасности Восточной Сибири пыталось решить разными путями. Лучших своих сотрудников оно направляло на учебу в центральную школу ОГПУ (НКВД) и в различные академии Красной Армии, в которых слушатели учились как очно, так и заочно.

Для профессиональной подготовки сотрудников государственной безопасности непосредственно в регионе в 1933 г. при Полномочном представительстве ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю были образованы 4-х месячные «Курсы переподготовки Оперативного состава». Их слушатели полностью освобождались от службы. На занятиях они изучали «марксистско-ленинско-сталинскую революционную теорию» и новые методы чекистской работы в соответствии с учебными программами, утвержденными руководством ОГПУ СССР. Учебный план помимо теоретических и практических занятий предусматривал и самостоятельную подготовку курсантов.

После реорганизации ОГПУ в НКВД эти курсы были переименованы в «Оперативные курсы управления НКВД Восточно-Сибирского края». Срок обучения на них остался прежним. В 1935 г. на этих курсах одновременно обучалось 40 человек⁸. При этом особое внимание уделялось подготовке сотрудников местных (периферийных) структур УГБ. Они должны были составлять не менее половины слушателей курсов. Программа курсов, утвержденная НКВД СССР, включала в себя изучение предметов: «История органов ВЧК–ОГПУ– НКВД», «Оргустройство органов НКВД», «Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы и следственное дело», «Практика агентурно-оперативной работы УГБ НКВД», «Шпионаж, террор, диверсия», «Работа рабоче-крестьянской милиции» и некоторых других. Занятия вели, как правило, руководители ведущих отделов Управления НКВД. По окончании курсов их слушатели проходили стажировку (как правило, в местных структурах Управления НКВД).

Помимо оперативных курсов подготовка специалистов велась в окружной радиошколе управления пограничной охраны и войск ОГПУ Полномочного представительства. Только в начале своей деятельности в 1931 г. эта школа подготовила для ОГПУ 14 электромехаников и 49 радиотелеграфистов, из них 17 выпускников за отличную учебу получили звание старший радиотелеграфист. Для сотрудников государственной безопасности в 1930-е гг. начали действовать и автокурсы при спортивном обществе «Динамо».

Большое внимание в 1930-е гг. уделялось военной подготовке сотрудников государственной безопасности, что было связано как с обострением международной обстановки и нарастанием военной угрозы, так и с прокатившейся по краю (и стране в целом) волной крестьянских восстаний в период коллективизации.. Для этого с января 1931 г. было введено обязательное обучение всех сотрудников ОГПУ стрельбе из нагана и трехлинейной винтовки (по 2 часа в пятидневку). С 1932 г. в Восточной Сибири была введена обязательная военная подготовка для всех сотрудников ОГПУ. При этом лица, имевшие таковую, привлекались в качестве инструкторов. Для военной подготовки формировалась специальная учебная рота. Занятия по программе подготовки командира взвода Красной Армии проводились один раз в шестидневку, в предвыходной день по 4 часа (с 17 до 21 часа). По окончании подготовки предусматривался итоговый экзамен на звание командира взвода. Программа предусматривала изучение строевой подготовки, стрелковой подготовки, стрелкового оружия (револьвер «Наган», трехлинейная винтовка, ручной пулемет Дегтярева, ручная граната), средств связи, химического дела (противогаз), подрывного дела, автодела, тактической подготовки. В то же время, военную подготовку стремились максимально приблизить к своей практической деятельности. Об этом убедительно свидетельствует тематика тактических занятий, на которых изучались: «Борьба с бандитизмом в городе», «Уличный бой», «Опыт операций ОГПУ по ликвидации бандгрупп и контрреволюционных выступлений в Восточно-Сибирском крае», «Изучение местности» (особенно окрестностей Иркутска, Кругобайкальского участка ж.д. и берегов р.Ангара от истока до с.Буреть)⁹. Контроль за учебой был возложен на начальников отделов. Одновременно женщины-сотрудницы ОГПУ проходили подготовку по программе медицинских сестер и обучались стрельбе.

Помимо всех этих форм специальной подготовки с сотрудниками всех подразделений ОГПУ (НКВД), включая и вспомогательные в 1930-е гг. не реже двух раз в месяц проводились политико-воспитательные занятия и занятия по чекистской подготовке, на которых сотрудников знакомили с новыми методами работы.

Руководство органов государственной безопасности Восточной Сибири проявляло заботу и о повышении общеобразовательного уровня своих сотрудников. С этой целью неоднократно

организовывались специальные занятия. В частности, в 1935 г. такие занятия были организованы для сотрудников оперативного состава УГБ. Два раза в шестидневку в течение 2-х часов (с утра) нуждающиеся изучали русский язык и математику. По окончании учебы предусматривалась сдача зачетов.

Что касается непосредственной практической деятельности органов государственной безопасности в рассматриваемое время, то первой их крупной акцией стало обеспечение проведения коллективизации на рубеже 1920-х-1930-х гг. В период коллективизации – этой грандиозной по масштабам и крайне противоречивой по результатам попытки коренного преобразования сельского хозяйства страны сотрудникам государственной безопасности пришлось решать целый ряд сложных и взаимосвязанных задач. Это и участие в хлебозаготовках, и выявление скрытых и явных противников коллективизации в крестьянской среде и их изоляция, и оказание давления на крестьянство с целью ускорения коллективизации, и участие в раскулачивании, и борьба с различными проявлениями крестьянских протестов против коллективизации, а также с теми ошибками и извращениями, которые были допущены в ходе коллективизации, это и контроль за деятельностью колхозов и совхозов. Наконец, в Восточной Сибири органам государственной безопасности пришлось решать и такую специфическую задачу как прием и размещение десятков тысяч крестьян, сосланных из Европейской части страны – т.н. спецпереселенцев, а также их трудоустройства и контроля за ними.

Наиболее значимыми из них являлись: обеспечение раскулачивания и борьба с антиколхозными настроениями и выступлениями в крестьянской среде на территории региона.

Коллективизация сельского хозяйства, политика раскулачивания и особенно форсирование этих процессов¹⁰ вызвали массовое возмущение восточно-сибирского крестьянства, которое стало перерастать в открытое сопротивление властям. В первой половине 1930 гг. по всей территории Восточно-Сибирского края прокатилась волна стихийных крестьянских восстаний. Причем, во многих районах эти восстания неоднократно повторялись, что красноречиво говорит о степени недовольства аграрной политикой ВКП(б) значительной части крестьян. Наиболее крупными из них являлись: Шиткинское восстание 1930 г., Тасеевское восстание 1931 г., Братское восстание 1933 г. и другие, а также ряд восстаний в Забайкалье и в Бурятии (Мухоршибирское, Усть-Карийское, Тункинское и др.).

Именно на плечи сотрудников ОГПУ легла основная тяжесть борьбы с крестьянскими восстаниями и протестами. Эту борьбу возглавляли непосредственно руководители Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю и его оперативных секторов во главе с И.П.Зирнисом.

Пожалуй, первым крупным крестьянским восстанием в регионе стало Кардойское восстание в Тулунском районе в апреле 1930 г. Согласно документам ОГПУ в селах района обстановка стала накаляться с декабря 1929 г., когда ВКП(б) стала осуществлять политику сплошной коллективизации и раскулачивания. Что касается непосредственно села Кардой, то уже в январе 1930 г. сводки ОГПУ зафиксировали массовое недовольство крестьян мероприятиями властей¹¹. В целях стабилизации ситуации Уполномоченный ОГПУ по Тулунскому району Степин принял решение арестовать и привлечь к ответственности 14 наиболее недовольных крестьян, которые возбуждали население. В начале февраля 1930 г. удалось арестовать 6 из них, остальные успели скрыться. В марте месяце Тройка при Полномочном представительстве ОГПУ по Сибирскому краю во главе с Л.Заковским во внесудебном порядке приговорила арестованных кардойцев:

А.С.Богданова, Н.И.Мануйлова, И.Н.Мануйлова, А.М.Митрофанова, Д.М.Павлова, И.Н.Шкуратова как кулаков к заключению в лагеря на 10 лет по 1-й категории¹².

Однако принятые ОГПУ меры ожидаемого результата не принесли, а наоборот усугубили ситуацию, которая стала взрывоопасной. В первые дни апреля активисты коллективизации предупредили Уполномоченного ОГПУ Степина о возможности восстания и обратились с просьбой выслать им оружие. В ответ Уполномоченный ОГПУ решил провести в ночь с 6 на 7 апреля 1930 г. облаву на скрывшихся от ареста крестьян. Эта облава и спровоцировала крестьянское восстание. Оно началось в с.Корай, где проводилась облава и довольно быстро перекинулось на с.Кардой, ставшее центром восстания, и с.Луговское. Соответственно силы восставших с 20-30 человек увеличились до 130 человек. В ходе восстания был убит председатель Кардойского сельсовета Анищенко и еще 3 служащих сельсовета, а также активистка коллективизации М.Ляпунова. Повстанцы разгромили здание сельсовета и сожгли все имевшиеся там документы и книги. Во второй половине дня 7 апреля они попытались захватить с.Илир, где содержались 40 крестьян, приговоренных как кулаки к высылке по 2-й категории. Однако нападение повстанцев удалось отразить отряду местных коммунистов. После этого восставшие отступили в села Кардой и Корай, где стали готовиться к обороне (для этого за пределы сел были отправлены все женщины и дети).

Как только Иркутскому отделу ОГПУ стало известно о восстании, его руководство приняло решительные меры для борьбы с ним. 7 апреля против повстанцев выслали из Тулуна отряд местных коммунистов и комсомольцев численностью 55 человек, к которым в Илире присоединился такой же местный отряд в 35 человек. На следующий день из Иркутска прибыл еще один отряд коммунистов в 39 человек и 37 бойцов дивизиона войск ОГПУ¹³. Все эти силы были сведены в оперативную группу ОГПУ. 9 апреля после упорного 2-х часового боя оперативная группа заняла села Кардой и Корай. После этого повстанцы отошли в тайгу, где разбились на группы по 5-15 человек. Штаб оперативной группы выпустил воззвание к участникам восстания, в котором обещал сохранение жизни в случае добровольной сдачи. Восстание удалось полностью подавить к 20 апреля 1930 г., причем, значительная часть повстанцев добровольно сложила оружие. При подавлении восстания было убито 11 повстанцев и 4 бойцов оперативной группы ОГПУ.

Сразу же после подавления восстания сотрудники ОГПУ арестовали 129 его участников и сторонников¹⁴. От ареста в тот момент удалось скрыться 14 крестьянам. Следователи ОГПУ пришли к заключению о существовании в Тулунском районе разветвленной контрреволюционной организации, которая готовила восстание в масштабе района. Поэтому в течение апреля-мая 1930 г. аресты по этому делу проводились по всему Тулунскому району. Всего было арестовано 152 человека¹⁵. По окончании короткого следствия 145 человек из них в июне 1930 г. Тройкой при Полномочном представительстве ОГПУ по Сибирскому краю под председательством Л.Заковского были осуждены во внесудебном порядке: 58 человек приговорили к расстрелу, 30 человек к 10-летнему заключению в лагерях, 45 человек к 5-летнему заключению, 8 человек к 3-летнему заключению, 3 человек выслали в Туруханский край и 1 заключили в колонию для несовершеннолетних¹⁶.

В начале лета 1930 г. в Шиткинском районе вспыхнуло еще более крупное крестьянское восстание. В нем участвовало уже более 300 человек, в т.ч. ряд бывших красных партизан. Восстание охватило несколько деревень Шиткинского района. Оно продолжалось в течение июня и было подавлено в первых числах июля.

Борьбу с восстанием возглавил начальник Канского окружного отдела ОГПУ Веверс. Он же затем руководил расследованием обстоятельств и хода восстания. После создания Восточно-Сибирского края дело было передано Полномочному представительству ОГПУ по этому краю.

Всего по делу о Шиткинском восстании было привлечено к ответственности 177 человек (в т.ч. 44 кулака, 92 середняка, 25 бедняков, 4 батрака, 3 служащих, 1 колхозник и 8 административно ссыльных)¹⁷. Из них 155 заключили под стражу, еще 77 лиц имевших отношение к восстанию были объявлены в розыск, а 22 повстанца было убито при его подавлении¹⁸. Следователям ОГПУ удалось установить, что данное восстание готовилось с марта 1930 г., когда административно ссыльный Л.И.Старцев проживавший в д.Пойма, создал из недовольных политикой ВКП(б) крестьян нелегальную организацию «Крестьянское эхо – союз трудового крестьянства». Всего к моменту начала восстания в ней состояло 56 человек¹⁹. В марте же Л.И.Старцев написал воззвание «Дорогие братья крестьяне», в котором призвал их к борьбе с коммунистами и сформулировал лозунги восстания. Основными из них являлись: «Свергнем ненавистных кровопийц-коммунистов», «Долой диктатуру коммунистов, долой насилие, долой грабеж и издевательства над нами», «Да здравствует великая, свободная крестьянская Россия». Позднее Старцев написал еще одно воззвание «К трудовому крестьянству», в котором призывал крестьян тщательно готовиться к восстанию (запасать оружие, боеприпасы, снаряжение, продовольствие и т.п.), не допускать преждевременных выступлений (ждать общего сигнала) и быть лояльными к членам колхозов и коммун «ибо их загнали туда силой»²⁰.

«Крестьянское эхо» планировало начать восстание 10 июня и распространить его на весь Канский округ, но из-за недисциплинированности одного из его организаторов крестьянина И.Степаненко оно началось неорганизованно и на 2 недели раньше намеченного срока. После гибели в бою 7 июня 1930 г. руководителя восстания Л.И.Старцева его судьба была предрешена.

После подавления восстания основная масса его участников была арестована ОГПУ. В процессе следствия сотрудники ОГПУ стремились установить степень участия в восстании каждого обвиняемого. Причем, большинство из них свою вину признали. Следователи ОГПУ отмечали крайне слабое вооружение повстанцев и их организацию (умудрились проиграть несколько по существу уже выигранных боев). В то же время, следствие отметило лояльность повстанцев по отношению к арестованным представителям властей и пленным, захваченным на поле боя (за все время восстания повстанцы расстреляли лишь 1 человека), а также тот факт, что находившиеся в зоне восстания спецпереселенцы в массе не поддержали повстанцев²¹.

Тем не менее, несмотря на, если можно так выразиться «мягкость восстания», отсутствие жестокости, его участники понесли достаточно суровую кару. 15 октября 1930 г. Тройка при Полномочном представителе ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в составе И.П.Зирниса, его заместителя Гарина и начальника секретно-политического отдела Шевченко рассмотрела во внесудебном порядке дело участников Шиткинского восстания. Из 177 обвиняемых 47 человек были приговорены к расстрелу (8 из них расстрел заменили 10-летним заключением в лагеря), 10 лет лагерей получили еще 3 человека, 24 человека приговорили к 5-летнему заключению, 33 человека к 3-летнему, еще 69 человек приговорили к условному заключению на срок от 1 до 5 лет и лишь 5 человек были освобождены от ответственности²².

Пожалуй, одним из последних крупных крестьянских восстаний того периода стало Братское, произошедшее в мае 1933 г. уже после окончания основного этапа коллективизации. В этом восстании, охватившем несколько деревень района, приняло участие около 600 крестьян²³. Так же как и во всех предыдущих случаях повстанческие настроения братских крестьян накапливались

постепенно в течение нескольких месяцев. Начавшееся 2 мая восстание возглавили бывший полковник Буланцев и ссыльный забайкальский казак Игуменов. Его целью являлось свержение Советской власти, которую сибирские крестьяне к тому времени прочно отождествляли с диктатурой коммунистической партии.

В виду масштабности восстания, упорства и ожесточенности его участников руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю предприняло решительные шаги по его подавлению. В Братский район были переброшены подразделения войск ОГПУ и почти весь оперативный состав Полномочного представительства во главе с И.П.Зирнисом, который лично возглавил борьбу с восстанием. Кроме того, из местных коммунистов, работников органов власти и колхозных активистов были сформированы вспомогательные вооруженные отряды. В результате принятых мер к концу месяца восстание удалось подавить.

Широкий размах протестов восточно-сибирских крестьян против коллективизации, их формы, нередко принимавшие характер вооруженной борьбы, наконец, поставленная ЦК ВКП(б) задача ликвидации кулачества как класса вынуждали органы ОГПУ уделять этим вопросам первостепенное внимание. В борьбе с крестьянским повстанчеством помимо сотрудников Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, его оперативных секторов и войск ОГПУ (70-й отдельный Читинский, 77-й отдельный Иркутский, 78-й отдельный Красноярский, 79-й отдельный Алданский дивизионы) также участвовали военнослужащие пограничных войск ОГПУ – 51-го Троицкосавского, 53-го Даурского, 54-го Нерчинского погранотрядов и Тункинской отдельной погранкомендатуры. ОГПУ широко привлекало к борьбе с повстанческим движением в различных районах края милицию и местный партийно-колхозный актив, из которого формировались т.н. партотряды (партийные отряды) и группы для агентурно-разведывательной работы.

Большое внимание сотрудники ОГПУ уделяли анализу причин крестьянского повстанчества. Каждое следственное дело, информационные сводки и другие документы ОГПУ содержат сведения на эту тему. Конечно, в те времена никто из сотрудников ОГПУ никогда не ставил под сомнение саму аграрную политику коммунистической партии как главную первопричину недовольства значительной части крестьянства и крестьянского повстанчества. Поэтому органы ОГПУ основные причины этого явления прежде всего связывали с враждебной, контрреволюционной деятельностью сибирского кулачества и других антисоветских элементов (духовенство, бывшие участники белого движения и т.п., с существованием на селе контрреволюционных подпольных организаций)²⁴.

Другую важную причину крестьянского повстанчества сотрудники Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю видели в собственных просчетах и недоработках. В качестве примера можно привести уже упоминавшееся Братское восстание 1933 г. Согласно оценке Полномочного представителя ОГПУ И.П.Зирниса это восстание вполне можно было предотвратить, поскольку о повстанческих настроениях части крестьян было широко известно. Однако в силу слабой работы Братского райотделения ОГПУ и безынициативности его начальника Д.М.Жукова необходимые меры не были приняты. Более того, хотя восстание началось 2 мая 1933 г. о нем Полномочному представительству было сообщено лишь 5 мая, что осложнило борьбу с повстанцами (за допущенные просчеты, которые квалифицировали как «политическую ошибку» Д.М.Жукова сняли с должности)²⁵.

Из такого анализа причин (когда глубинные причины оставались за полем зрения) вполне закономерно следовал вывод о необходимости усиления репрессивной политики, усиления

работы по выявлению и изоляции враждебно настроенных лиц. Именно это стало, пожалуй, главной формой предотвращения повстанческого движения в крестьянской среде. От сотрудников ОГПУ требовались решительность и беспощадность в борьбе с классовым врагом, ускорение сроков следствия.

При Полномочном представительстве ОГПУ и его оперативных секторах формировались т.н. оперативные группы, которые направлялись в те районы Восточно-Сибирского края, откуда приходили тревожные сообщения и где возникала опасность восстаний. В их задачу входили быстрое выявление недовольных, опасно настроенных лиц и их изоляция. Для этого применялись как прямые аресты, так и раскулачивание (хотя органы ОГПУ напрямую раскулачиванием не занимались, это была прерогатива местных органов власти, но сотрудники ОГПУ нередко рекомендовали раскулачить тех или иных лиц с целью их удаления из данной местности). Кроме того, в задачу оперативных групп ОГПУ входила и ликвидация мелких повстанческих отрядов. Высказывания и действия арестованных крестьян как правило квалифицировались как создание и деятельность контрреволюционной организации, что позволялось законодательством того времени²⁶. Следствие проводилось в кратчайшие сроки и дела передавались в Тройку при Полномочном представительстве ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю. В 1932 г. для ускорения рассмотрения дел было увеличено число заседаний Тройки до 3 раз в месяц. Деятельность оперативных групп позволила предотвратить немало крестьянских восстаний и тем самым сохранить многие человеческие жизни.

Выполняя директивы ЦК ВКП(б), сотрудники ОГПУ при проведении коллективизации проявляли мужество, решительность и находчивость. Немало сотрудников ОГПУ погибло в борьбе за победу колхозного строя. При этом органы ОГПУ брали на себя заботу о семьях погибших²⁷.

За проявленное при выполнении заданий мужество и решение поставленных задач руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю не раз награждало своих сотрудников, отличившихся в период коллективизации. Наиболее распространенными в то время наградами являлись именные часы, пистолеты и охотничьи ружья, а также денежные премии.

Требую от своих сотрудников беспощадности и решительности в борьбе с классовым врагом, руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в то же время полностью понимало ограниченность таких действий, а также необходимость соблюдения законности. Оно неоднократно рекомендовало сотрудникам ОГПУ проявлять осмотрительность при арестах и корректность в обращении с арестованными и населением. «В борьбе с действительным врагом, – подчеркивал И.П.Зирнис в одном из своих приказов, – ЧЕКИСТ должен быть решителен и беспощаден, но всякое издевательство, даже над классовым врагом есть признак не силы, а слабости чекиста, допускающего издевательство». «Еще раз категорически предупреждаю всех сотрудников ОГПУ ВСК, – продолжал он далее, – что за всякое малейшее проявление некорректного отношения к арестованным и тем более за применение мер физического воздействия буду сурово карать вплоть до предания суду Коллегии ОГПУ»²⁸.

Для соблюдения законности принимались самые решительные меры. Так, в мае 1932 г. за избияния арестованных, помещение их в холодный сарай и лишение воды и пищи суду Коллегии ОГПУ были преданы начальник опергруппы ОГПУ в с.Верхне-Аленуй Читинского оперативного сектора штатный практикант Д.С.Халанай и командир взвода 70-го дивизиона войск ОГПУ Букан²⁹. В том же году суду Коллегии ОГПУ предали начальника Черемховского райотделения ОГПУ М.Н.Александрова и сотрудника отдела спецпереселенцев Г.И.Роенко за пьянку, беспричинную стрельбу на улицах с.Каменка и дискредитацию органов ОГПУ³⁰.

Другой важной задачей связанной с коллективизацией, которую пришлось в те годы решать органам ОГПУ в Восточной Сибири, как уже говорилось, стал прием, размещение, трудоустройство и чекистское обслуживание десятков тысяч спецпереселенцев сосланных сюда из других районов страны.

Летом 1931 г. в связи с прибытием в край большого количества спецпереселенцев для работы с ними в составе Секретно-оперативного управления Полномочного представительства ОГПУ был создан отдел по спецпереселенцам, на который и легло выполнение названной выше задачи. Его работу курировал заместитель Полномочного представителя К.А.Павлов. Для размещения спецпереселенцев и работы с ними на территории Восточно-Сибирского края было сформировано 24 подчиненных отделу комендатуры спецпереселенцев: Балахтинская, Баунтовская, Богучанская, Бодайбинская, Больше-Муртинская, Зиминская, Игаркская, Ирбейская, Иркутская, Киренская, Колларская, Красноярская, Манская, Нижнеудинская, Олинская, Северобайкальская, Североенисейская, Тайшетская, Усть-Карийская, Черемховская, Чернышевская, Южноенисейская, Ярцевская. На их территории разместились 165 поселений (поселков) спецпереселенцев, в которых в начале 1932 г. размещалось 25 238 семей – 91 664 человека³¹. Наиболее крупными комендатурами являлись: Черемховская – 10 поселков и 12 978 спецпереселенцев, Тайшетская – 17 поселков и 7 370 спецпереселенцев, Енисейская – 9 поселков и 6 681 спецпереселенец. А самыми маленькими: Северобайкальская – 2 поселка и 270 спецпереселенцев, Колларская – 1 поселок и 702 спецпереселенца и Киренская – 6 поселков и 892 спецпереселенца³². В последующем количество спецпереселенцев изменялось незначительно.

Спецпереселенцев в принудительном порядке распределяли на предприятия края, а также организовывали в сельскохозяйственные артели, на которые возлагалась задача обеспечения их продовольствием. Наибольшее количество спецпереселенцев было привлечено к работе на лесозаготовках, на обустройстве Северного морского пути и к добыче благородных металлов. Так, в тресте «Востсиблес» на территории 10 комендатур работало 6 368 семей, в тресте «Цветметзолото» на территории 14 комендатур работало 5 194 семьи, в системе Комитета «Севморпуть» в 7 комендатурах работало 3 369 семей и в «Слюдатресте» на территории 5 комендатур работала 1 121 семья³³, что в целом составляло более 75% семей спецпереселенцев Восточно-Сибирского края.

Чрезвычайные методы проведения коллективизации и раскулачивания привели к тому, что в Сибири спецпереселенцы столкнулись с огромными трудностями. Это и отсутствие жилья, и бытовая неустроенность, и нехватка продуктов питания, и враждебное отношение со стороны местных властей и ряда сотрудников ОГПУ. Так, например, только в Канском районе, входившем в состав Тайшетской комендатуры зимой 1931-1932 гг. 813 спецпереселенцев размещались в непригодных для зимовки бараках, а 862 спецпереселенца (в т.ч. женщины и дети) вообще жили в шалашах без печного отопления, что приводило к массовым заболеваниям и потере трудоспособности. Нередкими были случаи и произвола в отношении спецпереселенцев. В частности, весной 1931 г. в Абанском районе той же Тайшетской комендатуры по распоряжению райкома ВКП(б) была проведена незаконная экспроприация имущества и продовольствия у спецпереселенцев.

Тяжелые условия и произвол властей вели к росту побегов среди спецпереселенцев. Например, в августе 1932 г. бежало 330 человек, а в сентябре уже 415³⁴. К концу года только в Нижнеудинской комендатуре в бегах числилось 1 224 человека, причем, только в октябре и ноябре бежало 283 человека, из которых удалось поймать лишь 11³⁵. Массовым побегам способствовала и

халатность, проявленная рядом сотрудников ОГПУ. Так, Зиминский комендант Красавцев длительное время не знал о 77 бежавших и выяснил это лишь при передаче дел вновь назначенному коменданту³⁶.

Руководству Полномочного представительства ОГПУ пришлось приложить много усилий для наведения порядка в рядах собственных сотрудников и нормализации положения спецпереселенцев. Немало сотрудников ОГПУ за халатность, равнодушие и бездеятельность понесли различные наказания. В частности, за неприятие мер против перегибов партийных органов в отношении спецпереселенцев был отстранен от должности Районный уполномоченный ОГПУ по Абанскому району Шафранский. За пьянство, дискредитацию органов ОГПУ в глазах населения и не пресечение побегов спецпереселенцев из ОГПУ были уволены инспектор Иркутской комендатуры М.Е.Топорков, помощник поселкового коменданта той же комендатуры Н.Д.Гарусов³⁷ и ряд других сотрудников.

Одновременно руководители Полномочного представительства ОГПУ принимали решительные меры в отношении труда и быта спецпереселенцев. Так, несмотря на неподготовленность после решения правительства СССР весной 1933 г. о переходе от централизованного снабжения спецпереселенцев продуктами питания к их самообеспечению в том же году комендатурам отдела спецпереселенцев Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю удалось выполнить посевной план на 90%³⁸ (это при том, что к началу сева были не очищены семена, не отремонтирован сельхозинвентарь, не подготовлена тягловая сила и т.п.). В результате приложенных организационных усилий постепенно ситуация стала изменяться к лучшему. В частности, уже в том же 1933 г. в одном из приказов И.П.Зирниса отмечалось, что в Черемховской комендатуре «созданы укрупненные спецпоселки, с обеспечением нормальной жилищной площадью», к производству привлечены все трудоспособные спецпереселенцы и достигнут рост производительности труда³⁹. В 1933 же году ЦК ВКП(б) принял постановление «Об организации трудовых поселений ОГПУ», которым спецпоселения преобразовали в трудовые и изменили название самих поселенцев.

Другой важнейшей задачей органов ОГПУ в Восточной Сибири являлись борьба с побегами спецпереселенцев и их чекистское обслуживание. Для борьбы с побегами с 1933 г. Коллегия ОГПУ СССР приравнивала их к побегам из мест заключения со всеми вытекающими последствиями. Еще раньше, в 1932 г. руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю потребовало от своих сотрудников сокращения сроков следствия по делам о побегах до 2 месяцев и проведения его не по месту побега, а по месту поимки. По отбытии срока наказания спецпереселенцев (трудопоселенцев) в обязательном порядке направляли в трудопоселки. Туда же направляли и семьи бежавших (если в побеге участвовала и семья)⁴⁰.

Главное же средство борьбы с побегами, а также и с антисоветски и контрреволюционно настроенными лицами руководство ОГПУ видело в усилении агентурно-оперативной работы среди спецпереселенцев и повышении ее эффективности. На этом участке деятельности ОГПУ в Восточно-Сибирском крае первое время также имелось много упущений. В частности, К.А.Павлов в январе 1933 г. отмечал, что «агентурно-оперативное обслуживание спецпереселенцев повсюду до сих пор поставлено совершенно неудовлетворительно»⁴¹. К его наиболее вопиющим недостаткам относились: отсутствие резидентов и резидентур во многих местах, отсутствие осведомительной сети среди женщин и молодежи, бесплановость расстановки и работы осведомительной сети (неравномерное территориальное размещение осведомителей, несоблюдение пропорций национального признака среди осведомителей и т.п.), почти полное

отсутствие разработки «антисоветского элемента» (не было ни одного группового дела), слабость работы осведомительной сети (в среднем в течение 1932 г. по райотделениям ОГПУ имелось около 50 донесений осведомителей, а в Тайшетском райотделении все осведомители в течение года не дали ни одного донесения)⁴². Для исправления ситуации и улучшения работы органов ОГПУ в Восточной Сибири руководство Полномочного представительства приняло следующее решение:

1. В райотделениях всю агентурно-оперативную работу сконцентрировать в руках определенных сотрудников;
2. Отстранить от связи с осведомительной сетью по спецпереселенцам работников комендатур;
3. Провести чистку осведомительной сети по спецпереселенцам;
4. Организовать специальные резидентуры по женщинам и молодежи;
5. Подыскать и завербовать недостающих резидентов;
6. Создать сеть квалифицированных осведомителей, которые могли бы выявить антисоветские и контрреволюционные настроения;
7. Расширить круг вопросов подлежащих освещению агентурно-оперативной работой (положение спецпереселенцев на производстве, злоупотребления хозяйственников со спецпереселенческими фондами питания и зарплаты, бытовое положение – жилищные условия, питание, зарплата, санитарное состояние, советизация – стремление к восстановлению в правах голоса, оседание, культурное обслуживание – школы, кружки, библиотеки и т.п., религиозность, сектантское движение)⁴³.

И в последующем вопросы спецпереселенцев (трудопоселенцев) находились в центре внимания руководителей органов государственной безопасности Восточной Сибири. В частности, когда в мае 1934 г. ЦК ВКП(б) через постановление ЦИК СССР разрешил краевым исполкомам Советов восстанавливать трудопоселенцев в гражданских правах перед органами государственной безопасности встал вопрос о паспортизации восстановленных в правах. Поскольку постановление ЦИК и СНК СССР от 25 января 1935 г. не давало права восстановленным в правах покидать места поселения, руководство Управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю приняло решение: выдавать этим лицам паспорта исключительно в трудопоселках. При этом в паспортах делать соответствующую отметку, которая служила основанием запрещения для прописки где-либо кроме мест поселения, лиц же с подобной отметкой в паспортах, обнаруженных в других местностях, задерживать как бежавших.

Другой важной задачей, которую сотрудникам государственной безопасности пришлось решать в восточно-сибирской деревне по окончании коллективизации стала задача установления полного контроля над сельским населением.

ОГПУ стало создавать систему контроля в сельской местности еще в 1920-е гг., но полностью решить эту задачу по ряду причин тогда не сумело. В период коллективизации и раскулачивания эта работа активизировалась. Тем не менее, и к концу коллективизации она была далека от завершения.

Это наглядно продемонстрировала проверка состояния агентурно-оперативной работы в деревне в ряде районов Восточно-Сибирского края, проведенная руководством Полномочного представительства ОГПУ летом 1932 г. Так, например, в Иркутском районе отделение ОГПУ из 95 колхозов обслуживало лишь 31, «а остальные 64 колхоза остаются без чекистского обслуживания, в результате чего в ряде колхозов района находятся кулаки, которые проводят контрреволюционную деятельность по развалу колхозов». За 5 месяцев с 1 января по 1 июня 1932 г. райотделение «по кулачеству и контрреволюционному элементу ... не привлекло к ответственности ни одного человека». В районе на учете состояло 198 человек антисоветских элементов, «которые совершенно не прорабатываются и для райотделения совершенно не известна их контрреволюционная и антисоветская деятельность». Вместо запланированных 16 резидентур в районе действовало лишь 4. Из 79 осведомителей реально работало только 50 человек, которые в среднем в течение первых 5 месяцев 1932 г. дали лишь по 3-4 донесения. Почти не велась работа с единоличниками (17 осведомителей, из которых реально работали только 2), в совхозах, с женщинами, молодежью, сельской интеллигенцией (на более чем 300 сельских учителей, врачей, сельхозспециалистов приходилось только 3 осведомителя и те не работали), а также с бывшими красными партизанами⁴⁴.

Не лучше обстояло дело и в другом проверенном райотделении – Черемховском. Там вместо 25 запланированных резидентур было создано только 9, а вместо 239 запланированных осведомителей имелось лишь 168. Плохо обслуживались колхозы (на 141 колхоз приходилось лишь 48 осведомителей) и единоличники, и также почти отсутствовало осведомление среди женщин, молодежи, сельской интеллигенции и бывших красных партизан⁴⁵. Еще хуже положение с постановкой агентурно-оперативной работы было выявлено в Усольском районе, где из 85 колхозов в 44 не было ни одного осведомителя⁴⁶.

Руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, вскрыв серьезные недостатки в постановке агентурно-оперативной работы на селе, решительно потребовало их устранения в кратчайшие сроки и налаживания работы в районах края. Особо рекомендовалось создать женские резидентуры и направить работу «агентуры ... в деревне на выявление контрреволюционной деятельности кулачества, контрреволюционного элемента, выявляя новые формы и методы классовой борьбы, внутри колхоза ..., нанося своевременный оперативный удар по организующим силам контрреволюции»⁴⁷.

Усилению деятельности ОГПУ в сельской местности способствовало и постановление ЦК ВКП(б) в январе 1933 г. о создании политических отделов (политотделов) при МТС (машинно-тракторных станциях) и совхозах. Одной из их основных задач стало выявление кулацких элементов и проведение всесторонней чистки сельскохозяйственных работников. Для этого приказом ОГПУ СССР с 1 марта 1933 г. в их структуру ввели должности заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ, входивших в штаты Полномочных представительств ОГПУ. Первоначально в Восточно-Сибирском крае заместители начальников политотделов от ОГПУ были введены на 22 МТС (13 в Красноярском оперсекторе, 2 в Читинском, 1 в Бурят-Монгольском отделе ОГПУ – Баяндаевская и 6 в Иркутском – Заларинская, Зиминская, Качугская, Тулунская, Усольская и Черемховская)⁴⁸. Впоследствии их число стало быстро увеличиваться. Деятельности этой категории сотрудников ОГПУ придавалось особо важное значение. Вопросы их оперативной работы подлежали «немедленному и исчерпывающему разрешению в аппарате Полномочного представительства»⁴⁹.

Заместители начальников политотделов МТС и совхозов от ОГПУ сразу развернули бурную деятельность по выполнению возложенных на них задач. Только за май-июнь 1933 г. по их представлениям из колхозов Восточно-Сибирского края было изгнано «236 кулаков, белогвардейцев и пр. антисоветских элементов, ликвидировано 17 контрреволюционных кулацких групп»⁵⁰. Приведенные цифры, на взгляд автора, убедительно говорят о том, что в деятельности политотделов, в т.ч. и представителей ОГПУ в это время уже явно просматривалось влияние печально знаменитого сталинского тезиса об обострении классовой борьбы в СССР по мере социалистического строительства.

В 1930-е годы органы государственной безопасности в Восточной Сибири как и по всей стране самое широкое участие принимали не только в коллективизации, но и в другом не менее грандиозном по масштабам и последствиям мероприятии – индустриализации. При этом сотрудникам государственной безопасности также пришлось решать комплекс взаимосвязанных задач, наиболее важными из которых являлись: контроль за ходом индустриализации, охрана ее объектов, материальное обеспечение индустриализации, борьба с ее реальными и мнимыми противниками и врагами, а также с экономической и уголовной преступностью и, наконец, прямое участие в строительстве и обеспечении работы объектов индустриализации.

Рост экономической составляющей в деятельности органов ОГПУ в Восточной Сибири начался с самого начала 1930-х гг. Уже в 1931 г. в соответствии с приказом ОГПУ СССР экономический отдел был выведен из Секретно-оперативного управления и подчинен непосредственно Полномочному представителю ОГПУ И.П.Зирнису. Аналогичная операция была осуществлена и с экономическими отделениями в оперативных секторах. Помимо этого в 3-х районах края – Бодайбинском, Енисейском и Черемховском, где находились наиболее крупные промышленные структуры на районные отделения ОГПУ непосредственно возложили функции экономической работы. Одновременно была принята новая структура экономического отдела (см.: с.3), которую дублировали соответствующие отделения в оперативных секторах, а также расширены его функции и штаты.

В том же году с целью усиления контроля за работой всех видов транспорта и координации этой деятельности в составе Полномочного представительства было создано, как уже говорилось ранее, специальное транспортное отделение со штатом в 5 человек.

В начале 1930-х гг. активизируется работа и по усилению агентурно-оперативного обеспечения индустриализации. Проверка этой деятельности выявила немало недостатков не только в отношении сельского хозяйства, но и объектов промышленности. Так, в Черемховском районе было отмечено «недостаточное насаждение спецосведомления и осведомления по кадровому составу на предприятиях, угольных коях и новостроек» (так в тексте – прим. авт.). Из запланированных 8 резидентур на промышленных объектах имелись в наличии только 2, а вместо 94 осведомителей – 49. В сводках райотделения не отражались политические настроения рабочих. «На предприятиях не разрабатывались антисоветские и контрреволюционные элементы, а также члены политпартий и антипартийных группировок (троцкисты и т.п.)». Не велось работы с молодежью и инженерно-техническим персоналом⁵¹.

Руководство Полномочного представительства ОГПУ категорически потребовало от Черемховского и других райотделений «немедленно перестроить работу с агентурой по промпредприятиям, шахтам, новостройкам, рабочей молодежи и инженерно-техническому персоналу с расчетом максимального охвата осведомлением кадрового состава рабочих и специалистов, проверить действительную сеть и довербовать новое осведомление.

Предварительно составить дислокационный план насаждения сети и резидентуры»⁵².

Полномочное представительство ОГПУ рекомендовало обратить особое внимание на выяснение таких вопросов, как состояние рабочего снабжения, общественного питания, зарплаты, текучести рабочей силы и т.п., а также усилить работу по выявлению и проработке антисоветского и контрреволюционного элемента и новых форм классовой борьбы на промышленных предприятиях.

Борьба с т.н. вредителями и вредительством на производстве вообще занимала очень важное место в деятельности органов государственной безопасности в Восточной Сибири в 1930-е гг.

С началом индустриализации с подачи партийного руководства страны все более широкие масштабы стала приобретать практика объяснять провалы в работе, низкое качество продукции, аварии в промышленности и на транспорте и т.п. явления преднамеренными вредительскими действиями т.н. антисоветских и контрреволюционных элементов. Соответственно органы государственной безопасности все больше стали ориентироваться на поиск, выявление вредителей и борьбу с ними.

Не стала исключением и Восточная Сибирь. Как и по всей стране здесь развернулся активный поиск вредителей, на которых списывали любые недочеты. Так, например, именно преднамеренным вредительством сотрудники ОГПУ в 1933 г. объясняли безрезультатную работу геолого-разведочной экспедиции «Байкальская нефтеразведка». По их мнению «вредительско-диверсантские элементы маскировали свою заранее обдуманную подрывную работу, смогли в течение двух лет безнаказанно разваливать нефтеразведку и омертвить до 400.000 рублей капитальных вложений»⁵³. Основные действия т.н. вредителей сводились к следующему:

- преднамеренное преуменьшение планов геолого-разведочных работ и их систематическое невыполнение;
- демонтаж скважин путем аварий («в результате чего так и не удалось установить вопрос о нефти»);
- полный срыв геологической обработки полученных материалов;
- «засорение социального состава разведки ... классово чуждыми, явно враждебными элементами»⁵⁴.

Так же вредительством объясняло руководство ОГПУ и возникшую в январе 1932 г. на почве голода забастовку рабочих на строительстве Верхнеудинского паровозо-вагоно-ремонтного завода, когда 2 января забастовало около 500 рабочих из 1 100 на первом стройучастке⁵⁵.

«Возникновение данной забастовки, – подчеркивал Полномочный представитель ОГПУ И.П.Зирнис, – является прямым результатом активной, подпольной работы просочившегося на строительство кулацкого контрреволюционного элемента»⁵⁶.

Следует отметить, что руководители ОГПУ в Восточной Сибири вредительство связывали не только с действиями враждебных сил, но и с собственными недоработками, когда сотрудники ОГПУ недостаточно занимались этим вопросом. Например, всю ответственность за упомянутую забастовку руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю возложило на сотрудников Бурят-Монгольского отдела ОГПУ и дорожно-транспортного отдела ОГПУ Забайкальской ж.д., «не сумевших своевременно разоблачить кулацкий, контрреволюционный организующий элемент и предупредить забастовку»⁵⁷. Сотрудникам ОГПУ

рекомендовали усилить борьбу с вредителями. В результате она приняла достаточно широкие масштабы. В частности, в конце 1932-начале 1933 г. сотрудники ОГПУ Галушкин и Вяткин провели агентурную разработку под кодовым названием «Железнодорожники» на станции Нижнеудинск. Как отмечалось в одном из приказов Полномочного представительства ОГПУ, этой разработкой была «раскрыта контрреволюционная организация, направляющая свою работу на расстройство деятельности паровозного парка, срыв рабочего снабжения, вредительство, развал трудовой дисциплины и партийно-профсоюзной работы»⁵⁸. Причем степень наказания по обвинениям во вредительстве была довольно суровой. Так, в мае 1932 г. Тройкой при Полномочном представительстве ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю только по делу «Комбинат» были приговорены во внесудебном порядке к расстрелу 12 человек⁵⁹.

Борьба с вредителями наряду с выполнением многих других задач привела к явной перегрузке органов ОГПУ. В результате в их работе нередко начинаются сбои и неразбериха. Так, например, в начале 1931 г. по обвинению во вредительстве органы ОГПУ арестовали помощника начальника ж.д. станции Карымская Г.Т.Максимовича. При внутренней проверке в марте 1932 г. выяснилось, что обвиняемый все еще находится под стражей, а его дело в производстве. Было проведено служебное расследование причин нахождения Максимовича под следствием, во время которого его следственное дело обнаружить не удалось и в июле 1932 г. арестованного освободили из-под стражи. Само же следственное дело 19 октября того же года нашли при проверке бумаг на столе у начальника дорожно-транспортного отделения ОГПУ станции Чита-1 А.М.Крессана, где «оно находилось без движения» с 24 ноября 1931 г.⁶⁰

Вообще борьба с вредителями, несомненно, сопровождалась прямыми беззакониями. Она также способствовала насаждению в обществе, особенно в инженерно-технических и научных кругах атмосферы страха и подозрительности, что готовило почву для «Большого террора».

Так же как и в случае с коллективизацией и раскулачиванием сейчас уже трудно сказать, насколько обоснованной была эта борьба с вредителями, кого можно было назвать вредителем, а кто пострадал невинно. Разобраться в этом – задача не историков, а правоохранительных органов.

Безусловно, в стране имелись люди крайне недовольные властью и частично готовые на враждебные действия. Причем, ликвидация НЭПа, коллективизация и раскулачивание значительно расширили их ряды. И действия, которые можно было квалифицировать как вредительство, конечно же, имели место.

С другой стороны, настораживают масштабы борьбы с вредителями и их количество. Ведь во времена НЭПа сводки ОГПУ фиксировали лишь единичные случаи такого рода, а в 1930-е гг. вредительство вдруг приобретает массовый характер. Может быть дело было вовсе не во вредителях, а в масштабах индустриализации, в ее неподготовленности – отсутствии нужного числа специалистов, нехватке средств, материалов, опыта и т.п. В пользу того, что многие дела по вредительству были искусственно раздуты и многие люди пострадали невинно, говорит и тот факт, что в свое время широко разрекламированные партийным руководством СССР вредительские дела – «Шахтинское», «Промпартии», «Крестьянской партии» оказались сфабрированными. В пользу этого говорит и тот факт, что еще в 1934 г. прокурор Восточно-Сибирского края в докладе Прокурору СССР отмечал, что нередко «бесхозяйственность и злоупотребления пытаются замазать ссылками на вредительство классово враждебных элементов»⁶¹.

В связи с индустриализацией, коллективизацией и их последствиями произошло и расширение функций органов государственной безопасности в сфере обеспечения сохранности государственной собственности. В 1930-е гг. эта задача легла непосредственно на плечи их сотрудников. Воинские подразделения ОГПУ напрямую охраняли наиболее важные государственные объекты (к примеру, тоннельный участок Кругобайкальской железной дороги). ОГПУ фактически подчинялась и военизированная охрана железных дорог и крупных предприятий, а в 1932 г., как уже приходилось отмечать, в ведение ОГПУ передали и военизированной пожарную охрану НКПС.

Важнейшей задачей ОГПУ являлся контроль за сохранностью государственных мобилизационных запасов, которым занимались инспекция резервов Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю и его экономический отдел, обеспечивавший агентурное обслуживание мобилизационной работы.

С целью совершенствования системы охраны руководство Полномочного представительства устраивало периодические проверки, по итогам которых принимались меры к ее улучшению. Эти проверки позволили выявить много недостатков. В частности, при проверке хранения мобилизационных резервов в Бурят-Монгольской АССР в 1933 г. было установлено, что сотрудниками ОГПУ не «обеспечена полная сохранность мобзапасов, благодаря чего в складах Буркоопсоюза выявилось вредительское отношение к мобфондам: 4 вагона сухоовощей лежало в ограде под открытым небом ... В складе № 14 хранятся четыре вагона масла, тара разбита, на некоторых бочках имеется плесень, масло хищнически растаскивается, о чем свидетельствуют следы пальцев, т.к. масло выгребалось руками. В некоторых бочках недостает до 50% масла»⁶². В результате по итогам проверки начальнику экономического отделения Бурят-Монгольского отдела ОГПУ Серову объявили строгий выговор с последним предупреждением «за не обеспечение агентурным обслуживанием мобфондовских складов»⁶³. Были наложены взыскания и еще на ряд сотрудников ОГПУ, а также намечен перечень мероприятий по исправлению положения (активизация агентурно-оперативной работы, чистка мобилизационных структур от классово чуждых элементов и т.п.).

Еще более серьезные недостатки удалось выявить в системе военизированной охраны государственных объектов. Так, скрытая проверка состояния охраны тоннельного участка Кругобайкальской железной дороги, железнодорожных станций Иннокентьевская и Иркутск, Иркутского затона и Черемховских угольных копей, проведенная в ночь с 30 апреля на 1 мая и с 1 мая на 2 мая 1932 г. показала: отсутствие планов охраны и обороны на большинстве охраняемых объектов, незнание часовыми своих обязанностей, неготовность оружия к действию (пулеметы «Максим»), неисправность средств связи и сигнализации⁶⁴. Единственным объектом, охранявшимся по всем правилам, оказался железнодорожный мост через р.Иркут, за что его охранникам была объявлена благодарность.

Одновременно с усилением охраны различных объектов руководство Полномочного представительства ОГПУ нацеливало подчиненных и на усиление борьбы с хищениями, особенно на транспорте. Значительное падение уровня жизни населения в связи с коллективизацией и индустриализацией привело к резкому росту хищений. Так, согласно данным ОГПУ в 1932 г. на восточно-сибирском участке Томской ж.д. в мае было зафиксировано 97 хищений, из которых удалось раскрыть лишь 19, в июне уже 110 хищений, из них 31 раскрыто, а в июле 133 хищения при 26 раскрытых. Резко вырос и объем похищенного. Например, если в мае 1932 г. сумма ущерба от хищений на Забайкальской ж.д. составила 2 308 рублей, то в июне – 24 547 рублей⁶⁵. В связи с

этим руководство Полномочного представительства ОГПУ приняло решение увеличить число постов стрелковой охраны НКПС, ускорить рассмотрение следственных дел о хищениях и установить персональную ответственность работников железнодорожного транспорта за сохранность грузов.

Большую работу ОГПУ проводило в Восточной Сибири и по усилению противопожарной безопасности. Она особенно активизировалась после того, как в ночь на 22 декабря 1933 г. в Чите одновременно произошло 3 крупных пожара: сгорел дом Советов, где размещались все партийные и советские организации Забайкалья, а также горели здания телеграфа и общежития начсостава авиабригады Красной Армии. В связи с этим ОГПУ провело проверку противопожарной безопасности всех крупных зданий в Восточно-Сибирском крае, а также проверило социальный состав обслуживавшего их персонала и провело его «чистку от классово чуждых элементов», поскольку читинские пожары были квалифицированы как диверсионный акт.

В начале 1930-х гг. в связи с возникшими в результате коллективизации серьезными продовольственными трудностями и переходом к нормированному снабжению продуктами сотрудникам ОГПУ в Восточной Сибири пришлось решать еще одну важную задачу – обеспечивать сохранность продовольствия и его нормированное потребление. Поскольку в крае в условиях острой нехватки продовольствия повсеместно наблюдались случаи безнормативной его выдачи, особенно хлеба, а также выдачи продовольствия по искусственно завышенным заявкам (что квалифицировалось сотрудниками ОГПУ как вредительство) в марте 1933 г. было принято решение производить выдачи продовольствия со складов только с разрешительной визой представителей ОГПУ⁶⁶. Тем самым на ОГПУ возложили ответственность за плановое расходование продовольствия.

В борьбе с продовольственными трудностями в Восточной Сибири сотрудники ОГПУ проявили настойчивость и решительность. Благодаря именно их усилиям удалось успешно решить ряд вопросов. Так, например, как отмечалось в одном из приказов Полномочного представительства ОГПУ в феврале 1933 г., когда разлив р.Ангара стал угрожать хлебным складам в г.Черемхово руководство конторы «Заготзерно» растерялось и, «давая ложные сведения о принятых мерах, само никаких мер не принимало». И лишь «благодаря исключительной энергии, решительности и умелого личного руководства со стороны Начальника Черемховского Райотделения ПП ОГПУ ВСК тов.Балашева» удалось быстро разгрузить склады и сохранить хлеб⁶⁷. Примеров подобного рода можно привести немало. Очень сложную и ответственную задачу подобного рода сотрудникам ОГПУ пришлось решать осенью 1932 г., когда по заданию ЦК ВКП(Б) и СНК СССР им поручили обеспечить импорт крупной партии скота из Монголии. При этом необходимо было максимально сохранить поголовье и живой вес скота, а также «не допустить хищений и разбазариваний». Проведенная в октябре проверка предприятий «Скотоимпорт» и «Союзмясо» выявила их неготовность к этой операции. Потребовалось активное вмешательство сотрудников ОГПУ. В результате, как подчеркивал позднее И.П.Зирнис: «Исключительно энергичной работой органов ОГПУ ... быстро и полно было выявлено фактическое состояние трактов Скотоимпорта и мясокомбинатов Союзмясо, что дало возможность также быстро подготовить тракты к безубыточному прогону и мясокомбинаты к массовой переработке скота.

Созданным нашими органами режимом на скотоперегонных трактах и пунктах переработки скота, обеспечена была напряженность и четкость работы Скотоимпорта и Союзмясо до последнего дня операции, и обеспечена невозможность хищений и разбазаривания скота и мяса»⁶⁸. Значительно перевыполненным оказался и план заготовок.

В целом же сотрудникам государственной безопасности в Восточной Сибири удалось успешно выполнить поставленные перед ними задачи в сфере охраны.

В 1930-е гг. органы государственной безопасности Восточной Сибири, как и по всей стране, через систему ГУЛАГа принимали и самое прямое и непосредственное участие в строительстве промышленных, транспортных и других объектов. По линии органов государственной безопасности трудом заключенных в различных районах региона было построено (или строилось) значительное количество различных предприятий, дорог, зданий, сооружений и т.п. По существу бесплатный труд заключенных ГУЛАГа стал важным фактором быстрого индустриального развития Сибири в довоенные годы.

Пожалуй, одной из первых широкомасштабных акций такого рода Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю стало строительство 126 мобилизационных складов под зерно и сено, начавшееся по решению Правительства в 1932 г. ОГПУ предстояло построить 56 зерноскладов емкостью по 2 000 т зерна каждый и 70 сенных по 300 т⁶⁹. Для руководства этой работой, ее обеспечения и координации в составе общего отдела пришлось создать, как отмечалось ранее, специальный подотдел, укомплектованный инженерными кадрами. Позднее в связи с ростом объемов строительства его преобразовали в самостоятельный отдел.

В следующем году ОГПУ развернуло в Восточной Сибири еще более грандиозное складское строительство. В соответствии с решением СНК СССР в крае предстояло построить мобилизационные зерносклады на 315 тысяч тонн зерна. Так, только в Красноярске требовалось построить 88 складских зданий, а в Иркутске – 46 (помимо этих городов склады должны были построить в Канске, Верхнеудинске и Чите). Решение этой задачи заместитель председателя ОГПУ СССР Г.Г.Ягода поручил Полномочному представительству ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю. Для ее выполнения И.П.Зирнис принял решение организовать специальные прорабские участки, рабочую силу набрать в основном из числа заключенных в трудовые колонии, административно ссыльных и спецпереселенцев.

В последующие годы объемы строительства и количество различных строительных объектов органов государственной безопасности в Восточной Сибири непрерывно увеличивались, а следовательно росло и число лагерей ГУЛАГа в регионе и число их обитателей.

Помимо строительства различных объектов в 1930-е гг. органы государственной безопасности принимали самое активное участие и в сборе средств на индустриализацию, что являлось тогда одной из важнейших их задач. Это участие проявлялось в двух основных формах.

Прежде всего, это личное участие сотрудников государственной безопасности в сборе средств – приобретение облигаций государственных займов, денежные и другие пожертвования и т.п. Так, например, в 1932 г. в честь 15-летия ВЧК–ОГПУ бойцы и командиры 20-го полка 2-й железнодорожной бригады войск ОГПУ (Забайкальская ж.д.) предложили собрать деньги на постройку самолета «Восточно-Сибирский Чекист». Их инициатива получила полную поддержку руководства Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю и был организован сбор средств среди сотрудников ОГПУ и военнослужащих погранохраны и войск ОГПУ»⁷⁰.

Главной же задачей в этой сфере деятельности органов ОГПУ являлись выявление и изъятие ценностей у отдельных категорий населения. Как отмечалось в одном из приказов по восточно-

сибирскому Полномочному представительству ОГПУ за 1931 г.: «Своевременное выявление «кубышечных» фондов нэпманства и всякого рода бывших людей, стремящихся к нелегальной переправе за границу с накоплениями и пресечение этих стремлений, а также утечки, добываемого в крае, золота по всевозможным нелегальным каналам – заняло важнейшее место во всей системе работы большинства органов ОГПУ»⁷¹.

Эту задачу партийно-государственное руководство страны поставило перед органами ОГПУ в 1930 г. Для ее решения с 1 октября 1930 г. в оперативных секторах Полномочного представительства ОГПУ и Бурят-Монгольском отделе ОГПУ были созданы специальные оперативные группы по борьбе с контрабандой. Общее руководство и координацию их деятельности возложили на оперативное отделение управления пограничной охраны и войск ОГПУ Полномочного представительства, которое возглавлял А.Н.Петрочук. С 1 июля 1931 г. для усиления этой работы в оперативных секторах и Бурят-Монгольском отделе ОГПУ создали специальные отделения по борьбе с контрабандой (и соответственно увеличилось штаты сотрудников ОГПУ), а во всех районных отделениях стали создаваться группы по борьбе с контрабандой. Руководство ими возложили на начальника управления пограничной охраны и войск ОГПУ, а в Иркутском секторе эту работу вело специально созданной в составе управления пограничной охраны отделение по борьбе с контрабандой, (начальник отделения – Баранов). Свою работу эти отделения вели в самом тесном контакте с экономическими структурами ОГПУ.

Проведенные реорганизации позволили значительно повысить результативность деятельности ОГПУ. Так, в течение 1931 г. было изъято ценностей, которые квалифицировались как контрабанда на сумму 1 миллион 633 тысячи 243 рубля. Из них в первом полугодии (до создания отделений по борьбе с контрабандой) на 653 тысячи 578 рублей, а во втором – на 979 тысяч 665 рублей⁷². В том числе изделий из золота (слитки, шлихта, монеты и т.п.), драгоценных камней, а также иностранной валюты на сумму 1 миллион 35 тысяч 412 рублей. Сотрудники ОГПУ изъяли только золота 571,4 кг⁷³. За достигнутые показатели 24 сотрудника Полномочного представительства ОГПУ по итогам года были награждены именными золотыми и серебряными часами и пистолетами «Коровин»⁷⁴.

В последующие годы стали практиковаться твердые централизованные планы по изъятию ценностей. Причем, достаточно высокие, что привело к снижению результативности этой работы. Так, уже в конце следующего 1932 г. И.П.Зирнис был вынужден констатировать, что «работа наших органов по изъятию золота, валюты и ценностей протекает медленно, по размаху недостаточно и по достигнутым результатам в ней совершенно неудовлетворительно.

15-я годовщина органов ВЧК–ОГПУ застает нас с невыполненным еще боевым заданием Правительства и Коллегии ОГПУ»⁷⁵. Однако и в условиях снижения показателей отдельные подразделения Полномочного представительства сумели выполнить повышенные задания, как например, экономическое отделение (начальник – Я.И.Косиненко) Красноярского оперативного сектора ОГПУ.

Важной задачей органов государственной безопасности в Восточной Сибири являлась борьба с экономической и уголовной преступностью, а также контроль за другими правоохранительными органами и прежде всего за милицией⁷⁶. Как мы уже видели, сотрудники государственной безопасности принимали самое активное участие в борьбе с бандитизмом, контрабандой, хищениями и другими видами преступлений. Причем, они боролись не только с серьезными преступлениями, но и с обычным хулиганством. На это их периодически нацеливало руководство восточно-сибирских органов государственной безопасности.

Особенно большое внимание уделялось работе милиции. Как известно, в начале 1931 г. в связи с недостатками в деятельности милиции Постановлением ЦИК и СНК СССР на органы ОГПУ было возложено руководство милицией и ее включили в структуру ОГПУ. На работу туда направили многих опытных сотрудников государственной безопасности. В частности, после подчинения милиции ОГПУ начальником управления Рабоче-крестьянской милиции Восточно-Сибирского края назначили кавалера ордена Красного знамени Ф.М.Крумина, работавшего в органах государственной безопасности с 1919 г. Одновременно он являлся помощником Полномочного представителя ОГПУ по милиции.

Помимо непосредственного руководства милицией ОГПУ усиливала контроль за нею. Инструктивные документы ОГПУ требовали: «По милиции – занять достаточное осведомление на 10 – одного и выявлять политико-моральное состояние, антисоветские проявления, злоупотребления по службе и засоренность»⁷⁷. Кроме того, ОГПУ устраивало регулярные проверки деятельности органов милиции. При этом особое внимание обращалось на социальный состав милиции, соблюдение законности и служебную дисциплину. Сотрудникам ОГПУ Восточной Сибири удалось выявить значительное количество нарушений и должностных преступлений в рядах милиции. Так, например, их усилиями в 1932 г. была раскрыта преступная группа в городском управлении милиции г.Киренска, в которую входили старший уполномоченный оперативно-розыскного отделения М.Я.Мегре, помощники уполномоченного А.П.Исаков, В.Н.Вострецов, И.Прошутинский и вор-рецидивист Берзин. Милиционеры в сентябре 1931 г. задержали группу воров-рецидивистов и вступили с одним из них – Берзиным в преступный сговор. Они отпустили его, одновременно оформили документы на побег и объявили розыск. Взамен Берзин стал совершать кражи по наводкам милиционеров, нередко они снабжали его необходимым инструментом (отмычки и т.п.). Затем большая часть вещей, якобы найденная милицией, возвращалась потерпевшим, за что милиционеры получали премиальное вознаграждение, одновременно они обеспечивали и большой процент «раскрываемости» по кражам. Другую часть украденных вещей Берзин продавал на рынке, причем нередко милиционеры почти сразу же изымали их у купивших как ворованные. Наиболее же ценные вещи просто присваивались. Вырученные деньги члены преступной группы делили между собой. Помимо этого Берзину были выданы оружие и милицейская форма и он под видом милиционера посещал поселки спецпереселенцев и отбирал ценные вещи у их обитателей. Группа безнаказанно действовала 6 месяцев и раскрыть ее удалось лишь благодаря вмешательству непосредственно Полномочного представительства ОГПУ. Всех ее участников за совершенные преступления предали суду военного трибунала⁷⁸.

Несомненно, деятельность ОГПУ способствовала некоторому улучшению работы милиции. Вместе с тем, в духе времени основную причину плохой работы милиции ОГПУ связывало с «засоренностью» ее классово-чуждым и разложившимся элементом»⁷⁹. Поэтому и основной метод улучшения работы милиции ОГПУ виделось в проведении периодических чисток ее состава и в призыве на службу в милицию членов ВКП(б) и ВЛКСМ по направлениям райкомов партии.

Наиболее мрачной и трагической страницей в истории органов государственной безопасности стали годы т.н. «Большого террора» (1936-1938). Именно с репрессиями, как правило, ассоциируется в общественном сознании деятельность органов государственной безопасности в 1930-е гг. И это не случайно. Таковы были масштабы и последствия этой грандиозной акции.

Подготовка органов государственной безопасности к «Большому террору» велась с начала 1930-х гг. Не являлась исключением в этом процессе и Восточная Сибирь.

К этому их сотрудников постепенно готовил целый ряд взаимосвязанных явлений. Прежде всего, это резкое расширение сферы деятельности органов государственной безопасности в связи с переходом к индустриализации и коллективизации, сопровождавшееся ужесточением классовой политики. Не случайно циркулярные документы ОГПУ начала 1930-х гг. меру наказания за т.н. политические преступления по печально знаменитой 58-й статье УК РСФСР ставили в прямую зависимость от социального происхождения обвиняемых.

Сотрудников государственной безопасности к «Большому террору» готовила и все более расширявшаяся практика применения внесудебных репрессий (противозаконных по самой своей сути), когда существовавшие при Полномочных представительствах ОГПУ «Тройки» без суда приговаривали лиц, обвиняемых в политических преступлениях, к различным мерам наказания вплоть до расстрела. Причем, масштабы деятельности «Троек», и в частности, восточно-сибирской, непрерывно возрастали. В августе 1933 г. в Полномочном представительстве ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю циркуляром заместителя председателя ОГПУ СССР Г.Г.Ягоды в связи с большой загруженностью основной «Тройки» была образована еще одна дополнительная «Тройка», на которую возложили применение внесудебных репрессий против нарушителей закона о паспортизации⁸⁰. После преобразования в 1934 г. ОГПУ в НКВД практика внесудебных репрессий сохранилась. При НКВД СССР стало действовать Особое совещание, наделенное необходимыми для этого полномочиями, а вскоре при региональных управлениях НКВД были воссозданы «Тройки» с аналогичными полномочиями.

Приближали «Большой террор» и такие широкомасштабные акции как раскулачивание, борьба с вредительством и религией, сопровождавшиеся массовыми беззакониями, жертвами которых в Восточной Сибири стали десятки тысяч ни в чем не повинных людей.

Так, в частности сотрудники государственной безопасности Восточной Сибири принимали самое активное участие в антирелигиозной политике ВКП(б). Как известно, на рубеже 1920-х-1930-х гг. коммунистическая партия начала решительное наступление на религию. Под различными предлогами (отказ в регистрации общины, необходимость ремонта храма и т.п.) храмы закрывались и конфисковывались. Одновременно при помощи «Союза воинствующих безбожников» у населения особенно у молодежи формировали одиозный образ священнослужителя как тунеядца, стяжателя и контрреволюционера. Важнейшей формой борьбы с религией стали и репрессии против духовенства. В это время в Восточную Сибирь по обвинению в антисоветской и контрреволюционной деятельности было сослано значительное число его представителей. Но и здесь продолжалось их преследование.

Руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в начале 1933 г. категорически потребовало от своих сотрудников усиления борьбы с духовенством и сектантами. Тот факт, что в течение 1932 г. в Читинском оперсекторе ОГПУ репрессировали 12 ссыльных священнослужителей, а в Красноярском оперсекторе и Бурят-Монгольском отделе ОГПУ только по 5 был расценен как «недооценка борьбы классового врага»⁸¹. Не осталось без внимания ОГПУ и местное духовенство. Руководство Полномочного представительства в своих директивных документах требовало: «Взять все духовенство на учет, повседневно выявлять их деятельность ... Выявить все имеющиеся секты, количество каждой секты и их руководителей»⁸².

Одной из акций предшествовавших «Большому террору» и готовивших его являлась внутривнутрипартийная чистка 1933-1934 гг., ставшая логическим продолжением борьбы И.В.Сталина и его сторонников в 1920-е гг. против оппозиционных течений и групп в ВКП(б).

В Восточной Сибири эта чистка проходила особенно жестко. Ей предшествовало специальное постановление ЦК ВКП(б), в котором работа Восточно-Сибирского краевого комитета партии была признана неудовлетворительной. ЦК сместил все руководство крайкома ВКП(б) и направил в регион для укрепления партийной организации более 200 партийных и советских работников во главе с новым первым секретарем крайкома партии М.О.Разумовым. Новое руководство крайкома ВКП(б) взяло решительный курс на проведение чистки. В результате в Восточно-Сибирском крае из ВКП(б) исключили более 25% коммунистов, что значительно превышало как средние общесоюзные показатели (17%), так и показатели других сибирских регионов⁸³. Не миновала чистка и сотрудников ОГПУ. Во всех структурных подразделениях Полномочного представительства в конце 1933-начале 1934 гг. прошли партийные собрания, на которых проходила чистка. Партийная чистка и последовавший вскоре – в 1935-1936 гг. обмен партийных документов (бывший по сути той же чисткой) создавали среди коммунистов, в т.ч. и сотрудников ОГПУ, атмосферу неуверенности и подозрительности.

Наконец, еще до начала «Большого террора» на территории Восточной Сибири началось создание его важнейшей составляющей – системы ГУЛАГа. В частности, в мае 1936 г. руководство Управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю в соответствии с директивой Главного управления лагерей НКВД приняло решение сформировать «колонии массовых работ» для строительства дорог на территории региона. Согласно этому решению создавалось 5 новых групп лагерей с центрами: в с.Акша (Забайкалье), с.Ложниково (Красноярье), с.Шимки (Тунка), с.Нижне-Илимск, с.Усть-Орда⁸⁴.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в первой половине 1930-х гг. в репрессивной политике руководства ВКП(б) и деятельности органов государственной безопасности по ее реализации в Восточной Сибири имелись и сдерживающие элементы, реально затруднявшие переход к «Большому террору».

Прежде всего, они заключались в твердой позиции председателя ОГПУ СССР В.Р.Менжинского, состоявшей в том, что органы государственной безопасности, осуществляя репрессивную деятельность, должны строго соблюдать законы (действовавшие тогда в стране).

Такой же позиции придерживалось и руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю во главе с И.П.Зирнисом. Ранее уже приходилось писать о том, что руководители Полномочного представительства вели борьбу с различными нарушениями законности со стороны своих сотрудников, наказывая нерадивых.

Особенно жестко преследовались случаи физического воздействия на подсудимых. В частности, например, в 1932 г. такой случай был отмечен в дорожно-транспортном отделе ОГПУ Забайкальской ж.д. Начальник отделения ОГПУ станции Чита-1 А.М.Крессан получил распоряжение от заместителя начальника дорожно-транспортного отдела ОГПУ П.И.Назарова произвести арест граждан, подозреваемых в создании контрреволюционной организации и провести ускоренное следствие. А.М.Крессан, проведя аресты, «дал установку допрашивать арестованных непрерывно до тех пор пока не будет получено признание, допустив применение физических мер воздействия». Эти действия руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю квалифицировало как «исключительное по своей грубости извращение принципов чекистской работы». За нарушение законности П.И.Назаров, А.М.Крессан и сотрудники отделения ОГПУ А.Я.Бергин и Д.И.Морозов были отстранены от занимаемых должностей, а особоуполномоченному Полномочного представительства дано поручение «в

кратчайший срок произвести тщательное расследование для направления дела в Коллегию ОГПУ»⁸⁵.

Одновременно И.П.Зирнис и его заместители настойчиво добивались более качественного ведения следствия. В частности, они считали недопустимым затяжки следствия и содержание подследственных под стражей более отведенных законом 2-х месяцев. Следует отметить, что в начале 1930-х гг. в связи с резким возрастанием объемов деятельности ОГПУ подобная практика стала принимать все более широкий характер, что свидетельствовало о том, что уже тогда органы государственной безопасности оказались не в состоянии в полной мере выполнить задачи, поставленные перед ними руководством коммунистической партии. Так, в августе 1932 г. было зафиксировано 7 случаев нарушения сроков и правил ведения следствия⁸⁶, а в апреле 1933 г. уже 15⁸⁷.

Руководители органов государственной безопасности Восточной Сибири пытались бороться и против искусственной фабрикации уголовных дел, которое уже имело место в то время. Например, в 1932 г. в дисциплинарном порядке были наказаны сотрудники Нижнеудинского отделения ОГПУ за то, что они во время следствия по делу группы граждан пытались «без наличия улик» обвинить их в создании контрреволюционной группировки, причем, «обвинение строилось на предположительных показаниях свидетелей»⁸⁸.

В то же время, говоря о существовании факторов, препятствовавших репрессивному курсу сталинского руководства ВКП(б), не следует преувеличивать их воздействие на работу органов государственной безопасности. В целом они, безусловно, послушно и по мере сил и возможностей добросовестно выполняли те задачи, которые ставил перед ними ЦК ВКП(б). Никто из руководства органов государственной безопасности и на центральном, и на местном восточно-сибирском уровне не ставил под сомнение правильность курса взятого лидерами коммунистической партии в 1930-е гг.

Одним из важнейших направлений деятельности органов государственной безопасности Восточной Сибири в 1930-е гг. являлась разведывательно-контрразведывательная работа. Причем, в эти годы ее значение резко возросло, что было обусловлено обострением международной обстановки в дальневосточном регионе. Как известно, с 1931 г. японский милитаризм взял открытый курс на установление своего господства в Азии. И первой его жертвой стал Китай. После оккупации северо-восточной его части – Манчжурии здесь в 1932 г. было создано прояпонское марионеточное государство Манчжоу-Го. Его территория стала опорной базой для организации японцами разведывательной и подрывной деятельности против восточных районов СССР, включая и Восточно-Сибирский край.

В Восточной Сибири японцев интересовали: этнический и количественный состав населения, работа промышленности, организация и состояние связи, водоснабжения, состояние и работа железнодорожных, автомобильных, водных и воздушных транспортных коммуникаций, количество и расположение аэродромов и конечно же численность, состав и дислокация частей Красной Армии.

Для ведения разведывательной и подрывной деятельности против СССР японская разведка широко использовала китайцев, корейцев, монголов, которых засылали в СССР под видом политических эмигрантов. Но особые надежды она связывала с русской белой эмиграцией на территории Манчжурии.

В 1930-е гг. в Манчжурии активно действовали различные политические эмигрантские организации и течения: дальневосточное отделение «Русского Обще-Воинского Союза» (глава генерал М.К.Дитерихс), манчжурское отделение «Братства Русской правды» (глава генерал И.Ф.Шильников), «Дальневосточный казачий союз», «Забайкальское землячество», «Национальный Союз Нового Поколения», «Русская фашистская партия» и другие.

Всплеск крестьянского повстанчества в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в связи с коллективизацией сельского хозяйства и японская оккупация Манчжурии способствовали заметной активизации их деятельности, поскольку в этих явлениях лидеры этих организаций увидели надежду на политический рывок.

В 1934 г. Японская военная миссия в Харбине с целью более рационального использования белой эмиграции в борьбе против СССР создала т.н. «Бюро по делам российских эмигрантов», которое занималось их учетом и вербовкой агентуры среди эмигрантов.

Откровенно-агрессивный курс Японии, обострение международной, а также и внутривосточной обстановки требовали от органов государственной безопасности резкой активизации контрразведывательной работы в восточных районах СССР и разведывательной работы на сопредельных территориях.

Заметную роль в противоборстве с японской разведкой в это время довелось сыграть и сотрудникам органов государственной безопасности Восточной Сибири. Разведывательно-контрразведывательной работой в регионе занимались особый отдел, а также созданное в 1933 г. иностранное отделение Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю (впоследствии Управления НКВД).

Пожалуй, наиболее значительной, масштабной и яркой операцией разведывательно-контрразведывательного характера, проведенной сотрудниками органов государственной безопасности Восточной Сибири, являлась оперативная разработка под кодовым названием «Мечтатели», осуществлявшаяся с 1931 по 1935 год. Она представляла собой в некоторой степени аналог знаменитой и хорошо ныне известной операции ОГПУ «Трест».

В 1931 г. в связи с заметной активизацией белой эмиграции в Манчжурии руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю по согласованию с ОГПУ СССР приняло решение начать разработку манчжурского отделения белоэмигрантской организации «Братство Русской правды» (БРП). На эту организацию выбор пал по ряду причин. Прежде всего, в начале 1930-х гг. эта организация очень активно заявляла о себе. В газете БРП «Русская правда», издававшейся в Берлине, открыто рекламировалась террористическая, вредительская и даже повстанческая его деятельность на территории СССР. Кроме того, при определении «партнера» учитывалось и то обстоятельство, что глава манчжурского отделения БРП, белогвардейский генерал И.Ф.Шильников, до революции служил в Иркутском военном округе, в Иркутске у него оставалось немало знакомых. Выходцами из Восточной Сибири являлись и многие активисты БРП, что позволяло использовать оставшихся здесь их родственников, друзей и знакомых для проведения оперативной разработки.

Общее руководство оперативной разработкой «Мечтатели» осуществлял лично Полномочный представитель ОГПУ И.П.Зирнис. Непосредственно руководил этой работой Начальник особого отдела Полномочного представительства Н.Ф.Рунич, ставший незадолго до окончания операции заместителем начальника Управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю. Под его руководством

по делу «Мечтатели» работали: заместитель начальника особого отдела Хомяков, начальники иностранного отделения Б.И.Гудзь (специально переведенный в 1932 г. в Иркутск из Москвы для участия в этой оперативной разработке) и сменивший его на этом посту в 1934 г. Яковлев, уполномоченные иностранного отделения Фирсов, Л.В.Цвигун, а также сотрудники особого отдела – Мельников, Геранин, Оленев, Шарин и др. В ОГПУ СССР (с 1934 г. – НКВД) ход оперативной разработки «Мечтатели» контролировали и направляли начальник Иностранного отдела Артузов, его заместитель Фортунатов и начальник Особого отдела Гай⁸⁹.

Руководство Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, начиная данную оперативную разработку, стремились решить 3 взаимосвязанных задачи:

«1. Путем установления связи с Шильниковым принять на себя контрреволюционную активность белогвардейских авторитетов (перехват лазутчиков, оружия, документов, литературы, денег и т.п.);

2. Вскрытие их подполья;

3. Выяснение их планов и целенаправленности враждебной деятельности против СССР»⁹⁰. После оккупации Манчжурии Японией к этим задачам добавилась еще одна – выяснение разведывательной деятельности японских спецслужб против СССР и их связей с белой эмиграцией.

Суть оперативной разработки «Мечтатели» составляло легендирование наличия на территории Восточно-Сибирского края т.н. «Забайкальской контрреволюционной подпольной организации» из лиц известных белой эмиграции (бывшие участники Белого движения, члены дореволюционных политических партий и т.п.) и установление от ее имени отношений с И.Ф.Шильниковым и другими активистами БРП.

Для завязки легенды был использован завербованный ОГПУ бывший адъютант личного конвоя атамана Г.М.Семенова, вернувшийся в 1924 г. из эмиграции в СССР. По заданию ОГПУ он вступил в переписку со своим дальним родственником Антипьевым, проживавшим в Манчжурии и являвшимся одним из помощников И.Ф.Шильникова. Постепенно переписка приобрела доверительный характер, причем Антипьев стал проявлять явный интерес к положению населения в Восточной Сибири, политической обстановке в крае и т.п. вопросам, которые не вызывали сомнений в их направленности. В частности, он пытался выяснить, кто из бывших белых офицеров служит в Красной Армии.

После этого Антипьеву в осторожной форме дали понять, что в Восточной Сибири существует некая «контрреволюционная подпольная организация». Антипьев немедленно сообщил об этом И.Ф.Шильникову и его заместителю по БРП бывшему полковнику И.В.Кобылкину. Они, как и рассчитывали сотрудники ОГПУ, решили взять эту «организацию» под свое руководство и оказывать ей всяческую помощь. В результате перед ОГПУ встала задача не на словах, а на деле создать легендированную организацию.

Ядро «организации» составила группа секретных агентов ОГПУ из числа т.н. «бывших людей», завербованных «на серьезных компрометирующих материалах»⁹¹. Центральную роль в ней играли бывший казачий полковник А.В.Кобылкин, родной брат манчжурского Кобылкина, хорошо знавший генерала И.Ф.Шильникова, и В.Т.Серебряков, бывший священник, а затем учитель «очень толковый, умный, честный, смелый, надежный, с феноменальной памятью агент ..., имевший широкие связи среди «бывших» людей в Сибири и в Манчжурии»⁹². «Основателям» удалось

вовлечь в «организацию» около 30 человек из лиц враждебно настроенных к коммунистической власти⁹³ (некоторые из них впоследствии также были завербованы сотрудниками ОГПУ, а некоторые до самого конца «организации» так ни о чем и не подозревали, наивно считая, что на самом деле участвуют в «борьбе с большевиками», как например братья Олейниковы, которые являлись основными «ходоками» через границу).

С помощью сотрудников ОГПУ «организация» наладила систему перехода границы. После этого в ее распоряжение из Манчжурии стали поступать деньги, оружие, боеприпасы и антикоммунистическая литература, издаваемая БРП. Только в течение последнего года существования «организации», с мая 1934 по май 1935 года в Восточную Сибирь было направлено 2 мексиканских винтовки и 260 патронов к ним, 4 пистолета «Маузер» и более 100 патронов, 6 пистолетов «Браунинг», 1 револьвер «Наган» и патроны к ним, 8 зажигательных патронов «Термит», дававших температуру до 3 000 градусов, 154 доллара США и 4 960 рублей советских денег⁹⁴. Все это было передано И.В.Кобылкину представителями японской разведки. Взамен японцы требовали информацию разведывательного характера:

- «а) данные о войсках в Забайкалье, если можно в Приморье и на Амуре, не ведется ли подготовка к войне;
- б) нет ли новых дивизий, их нумерация, дислокация;
- в) осуществляется ли переброска войск к Троицкосавску и далее;
- г) схему телеграфной и телефонной связи в Забайкалье;
- д) какие разговоры вокруг войны»⁹⁵.

В ответ на эти запросы сотрудники Полномочного представительства ОГПУ по согласованию с центром разрабатывали и переправляли через организацию в Манчжурию тщательно продуманную дезинформацию. В 1934 г. Манчжурию нелегально посетил один из «руководителей» «организации» В.Т.Серебряков, который встречался в Харбине с представителями Японской военной миссии. Вернувшись обратно, он принес «значительную информацию о белогвардейских закордонных организациях, о деятельности японской военной миссии в Манчжурии»⁹⁶.

В целом оперативная разработка «Мечтатели» позволила: перекрыть один из каналов поступления средств для ведения подрывной деятельности; выявить нелегальные «явки» белоэмигрантских организаций на территории Забайкалья, которые были немедленно провалены под предлогом раскулачивания их содержателей и взамен «организация» предложила свои «надежные» явки; выявить и нейтрализовать ряд лиц, готовых к активной борьбе на стороне Японии; и, самое главное, она позволила выявить ряд представителей японской разведки в Манчжурии, занимавшихся работой против СССР, формы и методы их работы, а также многих агентов японской разведки из числа русских белоэмигрантов.

После смерти в мае 1934 г. генерала И.Ф.Шильникова руководство ОГПУ СССР сочло, что поскольку полковник И.В.Кобылкин, возглавивший отделение БРП, не являлся видной фигурой в белоэмигрантских кругах, «дальнейшая игра с Манчжурским филиалом БРП не представляет оперативной ценности». Поэтому было принято «решение об окончании разработки путем вывода на Советскую территорию и ареста наиболее активных белогвардейцев»⁹⁷. Выполняя это задание, «руководители» «организации» стали настойчиво приглашать И.В.Кобылкина лично прибыть в Восточную Сибирь для оказания практической помощи на месте. И.В.Кобылкин для проверки «организации» в январе 1935 г. направил в Забайкалье своего ближайшего помощника Е.Л.Переладова. Тот встретился с ее «руководством» и, убедившись в дееспособности

«организации», сообщил Кобылкину о необходимости его личного прибытия в Иркутск. После чего Переладова немедленно арестовали.

В ночь на 6 марта 1935 г. перешел границу и сам И.В.Кобылкин, «соответствующим образом экипированный (2 маузера, браунинг с боеприпасами, 2 зажигательных патрона «Термит», листовки БРП, деньги, доллары, письма, адреса и т.п. ...)⁹⁸. Прибыв в Читу, он в сопровождении В.Т.Серебрякова выехал в Иркутск, где и был арестован 9 марта. Именно показания И.В.Кобылкина и помогли раскрыть японскую разведывательную сеть. Наконец, 28 мая 1935 г. при переходе границы был задержан связной Кобылкина, японский агент В.Олейников. Во время этого задержания в перестрелке пограничники убили еще двух агентов – М.Олейникова и В.Кустова. У них было изъято оружие, боеприпасы, яды, 2 690 советских рублей и 2 713 экземпляров белогвардейских листовок, газет и прочей литературы⁹⁹.

Заключительным аккордом дела «Мечтатели» стал открытый судебный процесс в Иркутске 31 августа-1 сентября 1935 г., проведенный Выездной Сессией Военной Коллегии Верховного Суда СССР, на котором И.В.Кобылкин, Е.Л.Переладов и В.В.Олейников признали себя виновными в сотрудничестве с японской разведкой и были приговорены к расстрелу¹⁰⁰.

Помимо разведывательно-контрразведывательной деятельности сотрудники органов государственной безопасности Восточной Сибири в 1930-е гг. продолжали оказывать помощь спецслужбам Монголии. В частности, они обеспечивали специальное оперативное обслуживание перевозок грузов из СССР в Монголию и обратно, оказывали консультативную помощь, а в 1932 г., когда в Монголии под влиянием коллективизации вспыхнуло массовое восстание, на его подавление была направлена группа сотрудников Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю. Во время боев в Монголии погиб уполномоченный особого отдела А.Т.Бахеев.

Важным направлением противоборства с японскими спецслужбами, со всеми внешними и внутренними врагами СССР являлось укрепление и совершенствование пограничной охраны на восточно-сибирском участке государственной границы. Эта задача перед иркутскими сотрудниками органов государственной безопасности встала в 1930 г. в связи с образованием Восточно-Сибирского края. Ее решением занималось управление пограничной охраны и войск ОГПУ Полномочного представительства ОГПУ. На территории края охрану границы первоначально несли 3 пограничных отряда – 51-й Троицкосавский, 53-й Даурский и 54-й Нерчинский и Тункинская отдельная пограничная комендатура, а в середине 1930-х гг. к ним добавился еще один пограничный отряд – 64-й Мангутский. Кроме того, в оперативном отношении начальникам отрядов и Тункинской комендатуры подчинялись, как уже приходилось отмечать ранее, районные отделения ОГПУ (НКВД) 12-ти приграничных районов края.

Участок государственной границы СССР, находившийся в зоне ответственности Полномочного представительства ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, в 1930-е гг. являлся крайне беспокойным, особенно его маньчжурская часть. Боевые действия вблизи границы между японскими и китайскими войсками в 1931-1932 гг., провокационные действия на границе наиболее враждебной и активной части белоэмигрантов, враждебная разведывательно-подрывная деятельность японских спецслужб, стремившихся найти слабые места в советской системе охраны границ и использовать их в своих целях, наконец, наличие в приграничных районах широкого слоя казачьего населения, в большинстве своем участвовавшего в гражданской войне на стороне Белого движения и озлобленного политикой коллективизации, все это вело к тому, что напряженность на границе непрерывно росла.

Об этом же свидетельствуют и отдельные факты. В частности, 7 марта 1935 года пограничники обнаружили в тамбуре вагона поезда № 1 «Манчжурия–Москва» мешок, который был изъят и доставлен в управление 53-го погранотряда. При вскрытии в нем обнаружили: 2 пистолета «Маузер» с 70-ю патронами, пистолет «Астра» с 24-мя патронами, 2 зажигательных патрона «Термит», 60 долларов США, зашитых в белую материю, «контрреволюционные листовки» в количестве 2 769 экземпляров, 8 писем в конвертах, из которых 3 без адреса и 5 адресованных в города: Елабуга (Татарская АССР), Ленинград, Нижнеудинск, Алзамай¹⁰¹.

Рост напряженности на восточно-сибирском участке государственной границы вынуждал руководство страны, ОГПУ и Полномочного представительства в регионе уделять повышенное внимание усилению и совершенствованию ее охраны. На протяжении 1930-х гг. неоднократно принимались решения об этом. Так, в январе 1933 г. И.П.Зирнис категорически запретил практику отрыва пограничников от несения службы охраны границы на хозяйботы, различные сборы и т.п.¹⁰² А в июле того же года политбюро ЦК ВКП(б) вообще приняло постановление о том, чтобы увеличить численность войск Погранохраны в Восточно-Сибирском крае на 20%, приравнять Забайкалье по условиям пограничного режима к Дальневосточному краю и предоставить Полномочному представителю ОГПУ в Восточной Сибири права выселять враждебные элементы из Забайкалья.

Руководство Полномочного представительства ОГПУ неоднократно поощряло и награждало пограничников, отличившихся при охране границы – памятным боевым охотничьим оружием, серебряными и простыми часами, денежными премиями, а наиболее отличившихся представляли к награждению орденом «Красное знамя». Денежными премиями и памятными подарками поощрялись и местные жители, оказавшие содействие пограничникам в борьбе с нарушителями границы.

Вместе с тем, достаточно сурово наказывались нарушители режима охраны границы и нерадивые, недобросовестные пограничники. В частности, в апреле 1932 г. «за ряд грубейших нарушений» Полномочный представитель ОГПУ И.П.Зирнис снял все командование 51-го Троицкосавского погранотряда, а в марте 1933 г. были отстранены от должности и преданы суду Коллегии ОГПУ новый начальник этого отряда Фалеев и его помощник по хозяйственной части Лебедев, которым вменялись в вину многочисленные различные нарушения, в т.ч. и самовольные поездки в Монголию с целью приобретения товаров¹⁰³.

Важнейшим направлением охраны границы являлась борьба с контрабандой товаров, которая исторически являлась традиционным занятием местного населения. В борьбе с контрабандистами пограничникам приходилось проявлять все свои лучшие качества, а нередко и настоящий героизм. Так, например, в июне 1932 г. пограничник, проводник-стажер 51-го погранотряда И.Чекменев с собакой по кличке «Езит» обнаружил следы нарушителей границы, преследовал их 8 км и в г.Троицкосавске (ныне Кяхта) единолично задержал 5 контрабандистов с товарами¹⁰⁴.

В результате самоотверженной борьбы пограничников с контрабандистами из года в год возрастало число задержаний и сумма контрабанды. Только в течение 1931 г. пограничникам Восточной Сибири удалось задержать контрабанду на общую сумму 351 тысяча 286 рублей, в т.ч. на 118 тысяч 734 рубля при ее ввозе в СССР и на 232 тысячи 552 рубля при вывозе¹⁰⁵. Из общей суммы задержанной контрабанды на долю 51-го погранотряда приходилось 38 тысяч 446 рублей, 53-го погранотряда – 247 тысяч 121 рубль, 54-го погранотряда – 54 тысячи 131 рубль и Тункинской комендатуры – 11 тысяч 588 рублей¹⁰⁶. Высокие показатели Даурского погранотряда были обусловлены тем обстоятельством, что по его территории проходила железная дорога в

Манчжурию, а также попытками нелегальной эмиграции бурят вместе со скотом в Манчжурию в знак протеста против коллективизации.

Завершая рассказ о деятельности органов государственной безопасности на территории Восточно-Сибирского края в 1930-1936 гг. можно лишь повторить, высказанную в начале статьи мысль о том, что это был крайне сложный и трагический период в их истории, который и определил конкретное содержание и итоги их работы в это время.

1Функции Иркутского оперативного сектора выполняло непосредственно само Полномочное представительство ОГПУ.

2В декабре 1934 г. Красноярский оперативный сектор вошел в состав вновь созданного Красноярского края. На его базе было образовано соответствующее управление НКВД.

3Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.26. – Л.899.

4Там же. – Л.629-630.

5Там же. – Л.201, 229, 262, 341-342, Д.34. – Л.144, Д.35. – Л.231, Д.37. – Л.331-334, Оп.2. – Д.41. – Л.216, 269-270, 345-347, 504; и др.

6Там же. – Оп.1. – Д.34. – Л.147.

7Там же. – Оп.2. – Д.41. – Л.306-307.

8Там же. – Оп.1. – Д.35. – Л.200.

9Там же. – Д.26. – Л.600-602.

10Как известно, в феврале 1930 г. Сибкрайком ВКП(б) принял решение завершить коллективизацию в Сибири весной 1930 г. – см.: История Сибири. – Т.4. – С.334.

11Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Д.14179. – Л.9-10.

12Там же. – Л.61-67. Как известно, при раскулачивании по решению ЦК ВКП(б) всех кулаков разделили на 3 категории. Отнесенные к 1-й категории подлежали немедленному аресту и осуждению, ко 2-й к высылке в отдаленные районы страны, а к 3-й к выселению в пределах района проживания. Имущество всех 3-х категорий экспроприировалось.

13Там же. – Л.299.

14Там же. – Л.116-117.

15Там же. – Л.299-300.

16Там же. – Л.348-351. Следует отметить, что в 1958 г. некоторые участники Кардойского восстания обратились к Прокурору Иркутской области с просьбой о пересмотре дела, однако Прокуратура не нашла тогда оснований для этого (Там же. – Л.376).

17Там же. – Д.13373. – Л.1357.

18Там же.

19Там же. – Л.1361.

20Там же. – Л.1223.

21Там же. – Л.1363-1364а.

22Там же. – Л.1733-1754. О суровости осуждения говорят и конкретные факты. Так, бывший полковник царской армии В.М.Левандовский, который не участвовал в восстании, а лишь проживая в районе общался со Старцевым, был приговорен к расстрелу (Там же. – Л.1380). К расстрелу приговорили и 65-летнюю крестьянку А.И.Данченко за передачу повстанцам винтовки и револьвера и агитацию в пользу восстания (Там же. – Л.1373). Другая крестьянка, 29-летняя А.Д.Секушенко получила 10 лет лагерей за то, что снабжала восставших продуктами (Там же. – Л.1388).

23Там же. – Ф.1. – Оп.1. – Д.38. – Л.72.

24Там же. – Д.13373. – Л.1361-1368, Д.14179. – Л.61-66, 116-118; и др.

- 25 Там же. – Ф.1. – Оп.1. – Д.34. – Л.271-272.
- 26 Сейчас зачастую уже невозможно установить, где реально существовали такие организации (поскольку степень недовольства была велика, велико было и стремление части крестьянства к самоорганизации с целью сопротивления властям), а где они были придуманы следствием.
- 27 В частности, например, семье погибшего при подавлении Братского восстания (1933 г.) сотрудника ОГПУ Н.А.Вдовина помимо государственной пенсии приказом И.П.Зирниса было выдано единовременное пособие – 500 рублей (сумма в то время довольно крупная) – Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Ф.1. – Оп.2. – Д.41. – Л.454.
- 28 Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.26. – Л.293.
- 29 Там же.
- 30 Там же. – Л.803. С учетом прежних заслуг суд был заменен административным арестом, первого из них еще и сместили с должности.
- 31 Там же. – Оп.2. – Д.21. – Л.75-80.
- 32 Там же.
- 33 Там же.
- 34 Там же. – Оп.1. – Д.26. – Л.870.
- 35 Там же. – Д.34. – Л.2.
- 36 Там же. – Д.26. – Л.870.
- 37 Там же. – Д.26. – Л.262; Оп.2. – Д.41. – Л.216.
- 38 Там же. – Оп.2. – Д.41. – Л.564.
- 39 Там же. – Л.213.
- 40 Там же. – Оп.1. – Д.35. – Л.260.
- 41 Там же. – Д.34. – Л.1.
- 42 Там же. – Л.1-2.
- 43 Там же. – Л.2-3.
- 44 Там же. – Оп.2. – Д.21. – Л.293-294.
- 45 Там же. – Оп.1. – Д.22.
- 46 Там же. – Д.37. – Л.329-330.
- 47 Там же. – Д.22.
- 48 Там же. – Л.196.
- 49 Там же. – Л.314. Донесения заместителей начальников политотделов сотрудники аппарата ОГПУ обязаны были рассматривать в первую очередь. На лиц нарушавших это правило накладывались строгие взыскания. Например, сотрудника экономического отдела Климова арестовали на 15 суток за то, что он своевременно не рассмотрел ряд таких донесений. – Там же.
- 50 История Сибири. – Т.4. – С.376.
- 51 Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.22.
- 52 Там же.
- 53 Там же. – Д.34. – Л.186.
- 54 Там же.
- 55 Там же. – Л.12.
- 56 Там же.
- 57 Там же. – Л.12.
- 58 Там же. – Д.37. – Л.39.
- 59 Там же. – Л.331.
- 60 Там же. – Д.26. – Л.796.
- 61 Цит. по: История Сибири. – Т.4. – С.377.
- 62 Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.36.

- 63 Там же.
- 64 Там же. – Ф.1. – Оп.2. – Д.21. – Л.275-283.
- 65 Там же. – Оп.1. – Д.37 – Л.386.
- 66 Там же. – Л.13-14.
- 67 Там же. – Оп.2. – Д.41. – Л.103.
- 68 Там же. – Л.116.
- 69 Там же. – Оп.1. – Д.21. – Л.232.
- 70 Там же. – Оп.2. – Д.41. – Л.54.
- 71 Там же. – Оп.1. – Д.26. – Л.93.
- 72 Там же. – Оп.2. – Д.21. – Л.157.
- 73 Там же. – Л.159.
- 74 Там же. – Оп.1. – Д.26. – Л.193-194.
- 75 Там же. – Л.915.
- 76 Этот контроль преследовал как проверку органов милиции на предмет их политической лояльности и классовой чистоты, так и эффективность борьбы с преступностью.
- 77 Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.22.
- 78 Там же. – Д.26. – Л.570-571.
- 79 Там же. – Д.37. – Л.112.
- 80 Там же. – Ф.1. – Оп.1. – Д.34. – Л.99, 100.
- 81 Там же. – Д.37. – Л.26.
- 82 Там же. – Д.22.
- 83 См.: История Сибири. – Т.4. – С.394.
- 84 Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Ф.1. – Оп.1. – Д.35. – Л.24.
- 85 Там же. – Д.26. – Л.852-853.
- 86 Там же. – Д.37. – Л.331-334.
- 87 Там же. – Оп.2. – Д.41. – Л.345-347.
- 88 Там же. – Оп.1. – Д.26. – Л.879.
- 89 Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Д.38. – Л.168.
- 90 Там же. – Л.156.
- 91 Там же. – Л.167.
- 92 Там же. – Л.158.
- 93 Там же. – Л.167.
- 94 Там же. – Д.15397. – Т.1 – Л.61, Т.2. – Л.255, 321.
- 95 Там же. – Д.38. – Л.160.
- 96 Там же. – Л.159.
- 97 Там же. – Л.162.
- 98 Там же. – Д.15397. – Т.1. – Л.146.
- 99 Там же. – Т.2. – Л.374а.
- 100 См.: Восточно-Сибирская правда. – 1935. – 3, 4 сентября. Материалы дела «Мечтатели» послужили основой для написания писателем А.М.Шастиным трилогии «Час выбора».
- 101 Архив Иркутского РУ ФСБ РФ. – Д.15397. – Т.1. – Л.146.
- 102 Там же. – Ф.1 – Оп.1. – Д.34. – Л.51-52.
- 103 Там же. – Д.34. – Л.144.
- 104 Там же. – Д.26. – Л.520.
- 105 Там же. – Оп.2. – Д.21. – Л.158.
- 106 Там же.

